

Г Л А В А VI.

НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ И ВЪ НИЗОВОМЪ ПОХОДѢ.

(1722—1724 г. г.)

Ставъ прочною ногою на берегахъ Невы, Петръ Великій, имѣя постоянно въ виду развитіе торговли Россіи и соединеніе ея внутреннихъ областей съ моремъ, повелѣлъ, задолго еще до окончанія „Свейской войны“, а именно въ 1718 году, приступить къ прорытію канала между Ладогою и Шлюссельбургомъ, въ обходъ бурнаго Ладожскаго озера. Дѣло это первоначально поручено было подрядчикамъ—Василію Озерову, и Якову Попову и велось „государевыми работниками“.¹ Подрядный способъ работъ оказался однако не практиченъ: несмотря на всю добросовѣстность частныхъ предпринимателей, тяжелый трудъ, при весьма неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ, и тревожное военное время много повлияли на недостатокъ рабочихъ руевъ, что въ связи съ чисто техническими затрудненіями затянуло на долго работу. Прошло почти четыре года, а каналъ еле до половины былъ выведенъ. Очевидно, подрядчики, собственными силами, безъ помощи правительства, справиться не могли. Поэтому то, по первымъ положительнымъ признакамъ благополучнаго завершенія шведскихъ дѣлъ, Государь рѣшаетъ привлечь къ работамъ армию. Въ 1721 году, еще до заключенія мира, въ прибавку къ вольнымъ рабочимъ направлены были драгунскіе полки и казаки изъ Слободскихъ полковъ², а вслѣдъ затѣмъ, какъ дальнѣйшее развитіе царскихъ нажрѣній, состоялся извѣстный намъ указъ 8-го декабря, призывающій изъ 20 полковъ Финляндскаго корпуса, половинное количество пѣхоты. Къ работамъ повелѣвалось приступить только съ 1-го апрѣля 1722 года, но отдѣльныя команды, какъ для принятія

работъ, такъ и для исправленія различныхъ хозяйственныхъ предположеній, должны были прибыть на каналъ гораздо райѣе. „Нынѣ же“, читаемъ въ указѣ,³ „отправить съ пѣхотныхъ полковъ по штабъ-офицеру, урядниковъ и рядовыхъ по 10 человекъ съ роты да кузнецовъ и плотниковъ, которымъ стать при этой канальной работѣ съ будущаго мѣсяца генваря и явиться полковнику Скорнякову-Писереву, и отъ того принять каждому на свой полкъ работу И въ тѣхъ мѣстахъ командированнымъ построить квартиры для больныхъ, на каждыя 2 роты избу съ сѣнными и омбаръ на провіантъ, да по двѣ бани на полкъ. Избы же строить изъ хорошаго лѣсу и не менѣе получетверти сажени величиною, а что болѣе то лучше“. Такимъ образомъ, почти одновременно съ выступленіемъ 1-го баталіона Рязанскаго полка въ Ярославль, въ началѣ декабря 1721 г., отъ 2-го баталіона передовая команда снаряжалась на каналъ. Команда эта, въ веденіи премьеръ-маіора Брискова состояла изъ 2-хъ оберъ-офицеровъ, 40 рядовыхъ, считая по десяти человекъ изъ роты, 4 кузнецовъ и 4 плотниковъ съ принадлежащими снастями, а всего 51 человекъ. „И по оному указу команды отправлены“, доносилъ кн. Михаилъ Голицынъ въ Военную Коллегію,⁴ „только большая остановка въ подводахъ подъ провіантъ, ибо еще какъ полки изъ С.-Петербурга на новыя квартиры пошли, то за неимѣніемъ подводъ все вещи оставили тамъ“. Дѣйствительно, не только недостатокъ въ подводахъ, но и во многихъ полковыхъ вещахъ былъ весьма чувствителенъ въ разсматриваемое время. Дѣло въ томъ, что еще съ назначеніемъ полку квартиръ въ Новгородѣ, въ августѣ 1721 г., приказано было подъемныхъ лошадей отправить въ Ярославскую провинцію⁵. Для лучшихъ ли кормовъ или по другимъ соображеніямъ послѣдовало такое значительное по разстоянію удаленіе ихъ отъ полка—неизвѣстно, но успѣшность, какъ удаленія, такъ и послѣдовавшаго затѣмъ приказа: подъемныхъ лошадей продать, оставивъ при полку только 42, ничѣмъ оправдана быть не можетъ. „Которые полки пошли на квартиры,“ писалъ кн. Голицынъ, „тѣхъ лошади ушли раньше и при С.-Петербургѣ осталось не малое число тягостей полковыхъ и аммуницій, пирамидъ, палатокъ, ружей отъ умершихъ и проч.“⁶ Легко себѣ представить то затруднительное положеніе, которое переживалъ полкъ въ концѣ 1721 года, когда, имѣя часть полковыхъ

вещей въ С.-Петербургѣ и некомплектъ въ 258 лошадей,⁷ приходилось поспѣшно отпирать цѣлый баталіонъ въ Ярославль и команду на Ладожскій каналъ. Снабжался, конечно, по возможности, 1-й баталіонъ, остающіеся же на зиму въ Новгородѣ роты 2 баталіона дожидались случая, — авось удастся получить изъ С.-Петербурга застрявшее тамъ имущество. Случая этого, какъ увидимъ, приходилось выжидать цѣлые мѣсяцы, а между тѣмъ, незамѣтно для 2-го баталіона, подошелъ и мартъ мѣсяць 1722 года, а съ нимъ и время выступленія на работы. Маршрутъ движенія 2-го баталіона подъ командою подполковника Фосъ нынѣ установить трудно. Указъ 8-го декабря ограничивался въ этомъ отношеніи весьма немногимъ:⁸ „идти къ каналу съ настоящихъ квартиръ прежнимъ трактомъ, которымъ шли на винтеръ квартиры.“ Вотъ и все. Выходить, такимъ образомъ, что надлежало идти на С.-Петербургъ, а оттуда уже на Шлюссельбургъ и Ладогу. „Маршъ отправлять исподволь,“ читаемъ тамъ же,⁹ „чтобы люди ослабнуть не могли, не болѣе 25 и не менѣе 15 верстъ въ день“. „Маршу два дня, а въ третій имѣть роздыхъ“. Въ виду большого скопленія войскъ на одномъ трактѣ полкамъ приказано двигаться на разстояніи одного дня марша одинъ отъ другого.

Такъ совершая походъ, безъ излишней форсировки, вмѣсто 1-го апрѣля, Рязанцы прибыли на работы только 14-го мая и, въ числѣ 542 человекъ,¹⁰ стали по каналу на участкѣ Кабона—Лавы.¹¹ Собранные на протяженіи отъ Бѣлого озера до Кабоны,¹² пѣхотные и драгунскіе полки, въ строевомъ отношеніи, подчинялись бригадиру, Михаилу Леонтьеву, указанія же по технической части давалъ полковникъ отъ артиллеріи Витворъ, при посредствѣ шляхетнаго мастера Гоутора.¹³ Кромѣ высшаго управленія въ строевомъ отношеніи, по нѣсколько баталіоновъ отдѣльныхъ полковъ, совокупясь вмѣстѣ, составили особыя команды. Численность такой команды, по всей вѣроятности, зависѣла отъ величины участка, работа на которомъ составляла прямую ея задачу. По крайней мѣрѣ, такъ видно изъ рапортовъ полковника фонъ Феникъ-Бира, команду котораго, кромѣ Рязанцевъ, составили еще баталіоны полковъ: 2-го Гренадер., Сибирскаго, Воронежскаго, Вологодскаго, да командированные—Шлюссельбургскій и Великолудскій полки.¹⁴ Первые дни,

послѣ прибытія на мѣсто, посвящены были отдыху, а такъ подготовкѣ къ работѣ, которая настоящимъ образомъ началось и ранѣе 25-го мая.¹⁵

Предположенный къ сооруженію каналъ, по даннымъ чертежамъ, состоялъ изъ выемки—шириною, по поверхности воды, между фашинами, 10 саж. 3 аршина, глубиною—3 аршина. Берега обдѣлывались сваями, высотой въ 3 аршина, отлого, отъ перпендикуляра на 15°. За сваи клался рядъ фашинъ, а выше свай—другой рядъ фашивъ отлого, отъ перпендикуляра на 30°. ¹⁶ Подобнымъ устройствомъ опредѣляется и весь характеръ работъ, произведенныхъ нашимъ баталіономъ. Онѣ заключались: въ земляныхъ работахъ, въ рубкѣ кольевъ и свай, вязкѣ фашинъ и укладкѣ ихъ. Начавшись 20-го мая, работы на участкѣ Кабона—Лава закончены были 5-го августа и, въ общемъ итогѣ, успѣхъ работы Рязанцевъ выразился слѣдующими цифрами:¹⁷ вынуто земли 1201 $\frac{1}{8}$ куб. саж., хопровъ сдѣлано 2; вырублено свай 1104; связано фашинъ 31402; вырублено кольевъ 94599. Изъ этого числа,—вбито свай 1015; заложено фашинъ за сваи 7209; сверхъ свай положено фашинъ 24193; вбито въ фашины кольевъ 94539.

Ходъ работъ на каналѣ все таки не удовлетворялъ Государя. Полковникъ Витворъ, какъ видно, мало оказался способенъ. Частыя жалобы шлюзнаго мастера Гоутора, выставившаго Витвора главнымъ виновникомъ остановки работъ, были наконецъ приняты во вниманіе. Приговоромъ Военной Коллегіи 10-го августа, Витвору приказано:¹⁸ „у канальной работы не быть, а мѣсто его временно занять бригадиру Леонтьеву.“ Оказала ли эта смѣна какое либо вліяніе—неизвѣстно, тѣмъ болѣе что, какъ кажется, полковникъ Витворъ остался на занимаемомъ посту до конца работъ этого года. Успѣхъ однако сталъ замѣтнѣе. Перейдя съ 8-го августа на участокъ Дубны—Бѣлое озеро, баталіонъ нашъ, не смотря на наступившую осень, рано начинающуюся въ этихъ странахъ, къ 1-му октября связалъ 37787 фашинъ, вырубилъ 96575 кольевъ, 1371 свай, поставилъ въ каналъ свай сентябрьской работы 1371 и положилъ за сваи фашинъ августовской и сентябрьской работы 9574. Кольевъ вбито въ фашины 28722 и вынуто изъ канала земли 494 $\frac{11}{15}$ куб. саж. и 6 куб. саж. камня.¹⁹

Изъ дошедшихъ до насъ полковыхъ документовъ видно, что знакамъ баталіона выдавались заработчіе деньги. Трудно установить только ихъ распредѣленіе, а равно—поступали ли они въ полную собственность работающихъ. Всего изъ канальной канцеляріи получено баталіономъ 1646 руб., 41 алтынъ, 7½ денегъ.²⁰ Считая, что ежедневно на работѣ было въ среднемъ 500 человѣкъ,²¹ по-дневная плата получается весьма незначительной, хотя, въ свою очередь, при тогдашней цѣнѣ денегъ, а главное—при томъ затруднительномъ положеніи въ какомъ находился баталіонъ, даже и такая сумма, безспорно, должна была составить большое подспоріе. Въ общемъ, время проведенное на каналѣ могло только благоприятно отразиться на баталіонѣ: больныхъ и бѣжавшихъ самый пустякъ, а уже одно это, безъ излишнихъ доводовъ, характеризуетъ состояніе части, особенно въ то время.²²

Съ наступленіемъ ненастной погоды, въ первыхъ числахъ октября, закончивъ работы 1722 года, 2-й баталіонъ выступилъ, въ назначенныя ему по росписанію вичтеръ-квартиры, въ городъ Ярославль. Въ Ярославской же провинціи стали полки: С.-Петербургскій, Сибирскій, Воронежскій и Выборгскій. Ни одинъ изъ названныхъ полковъ не принадлежалъ однакожь 5 дивизіи, въ составъ которой Рязанскій полкъ зачисленъ указомъ 29-го мая 1722 года. Какъ видно, дивизія эта, вновь сформированная изъ нѣсколькихъ полковъ дивизій г.г.—кн. Репнина, Аларта, кн. Голицына и врученная кн. Трубецкому, не успѣла къ этому времени еще собраться.²³

Когда, такимъ образомъ, одна половина Рязанскаго полка посвящала все цѣло дни мирному труду, 1-й баталіонъ, въ странахъ Кавказа, потомъ и кровію своею записалъ не одну славную страницу въ боевыхъ лѣтописяхъ нашей арміи. Выступивъ изъ Новгорода въ началѣ декабря 1721 года, 1-й баталіонъ, среди суровой зимы, совершалъ свой походъ къ Ярославлю. Разстояніе 607 верстъ, отдѣлявшее его отъ новыхъ квартиръ, по маршруту, надлежало пройти въ 7 недѣль,²⁴ такъ что въ послѣднихъ числахъ января 1722 года баталіонъ навѣрное былъ уже на назначенномъ мѣстѣ.²⁵ Извѣстный намъ недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ полка, при передвиженіи, устраненъ взиманіемъ ихъ отъ жителей, по

расчету: одна подвода на 10 человекъ, да подъ палатки на роту по подводѣ.²⁶ Подводы заготовлялись, посланными впередъ по тракту, на почтовыхъ, курьерами.²⁷ Вслѣдствіе многихъ натуральныхъ повинностей, обременявшихъ въ то время населеніе, весьма возможно, что подводы добывались съ трудомъ и часть полковыхъ вещей не слѣдовала непосредственно при баталіонѣ, а была доставлена впоследствии. Но, въ общемъ, Рязанцы безъ особенныхъ препятствій и вполне благополучно совершили длинный зимній походъ; по крайней мѣрѣ, официальные данные не позволяютъ сомнѣваться въ этомъ. Въ Ярославской провинціи, кромѣ баталіона Рязанскаго полка размѣстились еще баталіоны полковъ: Сибирскаго, Псковскаго, Воронежскаго, Великолукскаго и Тобольскаго.²⁸ Всѣ они, составивъ особую команду, непосредственно, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ строевомъ отношеніи, подчинялись командиру нашего полка, полковнику Югеру.

Было ли дѣйствительно цѣлю такого значительнаго скопленія войскъ на Волгѣ одно только облегченіе въ квартирахъ, какъ говорилъ указъ 27-го ноября 1721 года? Можетъ быть; первоначально; до выясненія обстоятельствъ. Но основная идея кроется въ грандіозныхъ замыслахъ Государя— о вліяніи Россіи на дѣла Востока, о развитіи тамъ нашей будущей торговли. Восстаніе афганцевъ противъ Персіи, разореніе Шемахи владѣльцами Лезгинскимъ и Казикумыцкимъ, сопровождавшееся нанесеніемъ громаднѣйшихъ убытковъ русскимъ купцамъ, давая законный поводъ вступить въ дѣла Персіи, указывало и на близкое паденіе этого государства. Медлить долѣе, значило дать возможность Турціи воспользоваться паденіемъ Персіи. По этому то съ первыхъ же дней прибытія въ Ярославль, вопросъ квартирный потерялъ всякое значеніе. Немедленно начались приготовленія къ походу въ далекія, неизвѣстныя страны. Тутъ то и выяснилось значеніе сбора войскъ на Волгѣ, когда 8-го февраля 1722 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о строеніи лодокъ и стругъ, для посадки на нихъ баталіоновъ и движенія по Волгѣ, къ Астрахани, на Каспійское морѣ.²⁹ Вся дѣятельность баталіона сосредоточилась пока на этой постройкѣ, а при какихъ условіяхъ она производилась и сколько пришлось преодолѣть препятствій главному нашему руководителю, полковнику

Юнгеру, дабы выполнить волю царскую, вполне достаточно разъясняют, дошедшія до насъ, его въ Военную Коллегію донесенія.

Одновременно съ указами войсковымъ начальникамъ, таковыя же, о заготовленіи къ строенію лодокъ лѣсу и перевозкѣ его, отправлены управителямъ провинцій: Ярославской, С.-Петербургской, Углицкой и Тверской.³⁰ Столкнувшись съ гражданскими властями, дѣло постройки встрѣтило не понятныя для насъ затрудненія.

На первое же требованіе полковника Юнгера о доставленіи ему необходимыхъ по указу матеріаловъ, Ярославскіе управители отвѣтили полнымъ отказомъ. Приходилось, нарочно посланными командами при офицерахъ, розыскивать самимъ лѣсъ, по Волгѣ, по слободамъ, какой попадется. Но тутъ опять остановка: лѣсъ преимущественно попадался заготовленный на хозяйственныя строенія, а не на барки, инструмента для обдѣлки лѣса мѣстныя власти не выдаютъ, да и подводъ, для свозки добытыхъ съ большимъ трудомъ матеріаловъ, нѣтъ. По донесеніямъ командира полка о столь плачевныхъ условіяхъ постройки лодокъ Военная Коллегія не замедлила сдѣлать соответственныя распоряженія, причемъ, интересы населенія, по возможности, приняты были во вниманіе. Первоначально приказано: за всѣ припасы, плотничныя и кузнечныя инструмента, забранныя у обывателей, выдавать записки, по которымъ, впоследствии, предполагалось выдавать изъ казны деньги. Какъ видно, мѣру эту нашли мало ускоряющей дѣло, ибо уже 12-го марта писано Каморѣ Коллегіи президенту, кн. Голицыну, о дачѣ войскамъ на покупку припасовъ 10 т. рублей, причемъ, по расчету, въ Ярославль, полковнику Юнгеру, отпущено 3 т. рублей.³¹ Если принять во вниманіе способъ тогдашнихъ сношеній, да извѣстную канцелярскую волокиту, въ особенности когда въ дѣлѣ замѣшаны были гражданскія власти, то неудивительно, что рѣшенія высшихъ инстанцій не скоро могли быть выполняемы. 9-го марта полковникъ Юнгеръ донесъ о положительной невозможности производить постройку, 12-го числа Военная Коллегія потребовала опредѣленную сумму денегъ, Каморѣ Коллегіи въ свою очередь запросила—въ какой отрядъ оныя деньги надобны и по какому числу?—еще два дня прошло покаместъ отправлены были оныя свѣдѣнія. А время не ждало. Весна приближалась. Правительство, сначала, можетъ быть,

въ такой степени по предвидѣло затрудненій въ постройкѣ значительнаго числа лодокъ. Еще 2-го февраля командированы были на Волгу и другія рѣки, для описи у жителей судовъ, гвардіи капитанъ-поручикъ, Гаврила Меньшиковъ и капитанъ флота, кн. Урусовъ,³² а 15-го марта, вслѣдъ за возникшими недорозумѣніями, командиромъ полка получено предписаніе: „въ рѣкахъ обрѣтаются суда которыя описать на Его Императорское Величество, а до указа не брать. Сколько какихъ судовъ будетъ описано, рапортовать.“³³

Такъ энергично приводя въ дѣйствіе Высочайшія повеленія, военное управленіе не могло равнодушно отнестись къ бездѣйствію мѣстныхъ властей. Любопытны по этому объясненія, данныя Ярославскими управителями, на жалобы нашего командира полка.³⁴ „Полковникъ Юнгеръ“ говорили они „потребовалъ 1200 человекъ работниковъ съ топорами, да на каждыхъ 10 человекъ по 3 кирки, по 3 мотыги, по 3 лопатки желѣзныхъ. Кромѣ этого, для возки лѣсу: 9 т. человекъ, 4400 подводъ, съ таковымъ же числомъ возчиковъ. Такое количество рабочихъ, по раскладкѣ, за дальностью разстоянія, до 50 верстъ и болѣе, скоро собрано быть не можетъ. Подрядный же способъ заготовки лодокъ, въ мѣстахъ гдѣ находится готовый лѣсъ, безъ свозки его, произведенъ быть не можетъ, за неимѣніемъ денегъ.“³⁵

Подобное оправданіе, да еще при условіяхъ весенней распутицы, могло бы снять нѣкоторую долю отвѣтственности съ Ярославскихъ управителей, если бы не послѣдовало новыхъ донесеній полковника Юнгера, затрогивающихъ уже не одинъ только вопросъ постройки. „Въ командѣ моей, въ Ярославлѣ, да въ Борисоглѣбской слободѣ,“ писалъ командиръ полка,³⁶ „по указу Его Императорскаго Величества лодки островскіе дѣлаютъ и сдѣлано въ баталіонѣ лодокъ по 4, да по двѣ сдѣлано до половины, да вѣновь закладывается въ баталіонѣ по одной лодкѣ, да еще надобно въ каждый баталіонѣ, на наличное число людей, по двѣ лодки, а на тѣ лодки лѣсу въ привозѣ нѣтъ, и работниковъ и подводъ по требованію моему, таковаго числа сколько я требовалъ, мнѣ не дано и до сего числа. А которыя подводы были мнѣ даны отъ управителей въ разныхъ числахъ, и оныя, привезши лѣсъ, отпущены, и нынѣ работниковъ у меня малое число, и хотя который лѣсъ заготовленъ,

но возить не на чемъ, понеже нѣкоторыя подводы и имѣются, не многое число, и тѣ всѣ стали и возить не могутъ, а на перемѣну вновь подводъ не присылается. Ярославскіе управители производятъ солдатамъ дачу провіанта противъ прежняго премало скудно, понеже принималось въ С.-Петербургѣ, и въ другихъ мѣстахъ, вездѣ, въ каждомъ кулѣ вѣсомъ по полъ осма пуда, а въ Ярославлѣ дача производится только по семи пудовъ въ кулѣ и противъ указного числа нынѣ недодача въ каждомъ кулѣ по $\frac{1}{2}$ пуда“.

Это уже не распутица и не недостатокъ денегъ, а прямой намекъ на возможность злоупотребленій. Могла ли при такихъ условіяхъ успѣшно идти заготовка судовъ? Былъ апрѣль въ началѣ, а мы и половины не построили. Изъ силъ выбивался полковникъ Юнгеръ. Строить лодки островскія по 50 и даже по 60 рублей за штуку изъ обывателей никто не берется, приходится дѣлать самимъ, а привезуть лѣсъ, доведуть работу до половины, а тамъ, смотришь, нѣтъ досокъ для обшивки, — доставятъ ихъ, — нѣтъ желѣза, смолы, дѣгтю. А тутъ все новыя требованія начальства. Приказываютъ, кромѣ лодокъ, на баталіонъ сдѣлать еще по 2 или по 3 шлюпокъ. Но откуда взять шлюпныхъ мастеровъ хорошихъ, когда даже знающихъ людей для конопатки судовъ небыло. Расчетъ правительства, что солдаты наши, такъ долго служившіе на морѣ, знакомы съ этой работой, не оправдался, ибо, какъ доносилъ полковникъ Юнгеръ,³⁶ солдаты у того дѣла не бывали, и въ Финляндіи суда конопатились матросами. „Писалъ я,“ говоритъ далѣе нашъ командиръ, „къ бурмистрамъ, но они отвѣтствовали что, въ Ярославлѣ конопатчиковъ нѣтъ, а есть въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ Огородскомъ стану, дер. Филипповѣ и Верховѣ. Въ присылкѣ ихъ миѣ отказано.“ Имѣя потребность, на полный комплектъ людей въ баталіонѣ, въ 12—13 судахъ,³⁷ а на то число всего 7, еле готовыхъ, полковникъ Юнгеръ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, рѣшилъ увѣдомить Военную Коллегію: „понеже на 6 лодокъ лѣсу даже въ привозѣ нѣтъ, да и возить за весеннимъ распутьемъ трудно, то не приказано ли будетъ романовокъ (40 штукъ), описанныхъ на Его Величество, взять у хозяевъ?“³⁸. Такъ поставленный ребромъ вопросъ разрѣшенъ былъ указомъ 13-го апрѣля. „Вмѣсто недостроенныхъ лодокъ, гласилъ онъ“³⁹ „взять, изъ описанныхъ на Его Величество, романовокъ на баталіонъ по двѣ, и въ нихъ взять у хозяевъ

за ихъ руками вѣдомости, за что имъ будетъ заплачено. Почему же въ дѣланіи лодокъ и дачѣ провіанта остановка, розыскать.“ Дабы покончить съ дѣломъ постройки судовъ, дѣломъ самымъ важнымъ въ приготовленіяхъ къ походу, необходимо сказать, что для розыску о злоупотребленіяхъ, или же просто о бездѣйствіи гражданскихъ властей, присланъ былъ л.-гв. Преображенскаго полка унтеръ-лейтенантъ Юсуповъ. Пріѣздъ его въ Ярославль состоялся только около 6-го іюля, когда баталіонъ находился уже на Кавказѣ. За отсутствіемъ единственныхъ и главныхъ обличителей, Юсуповъ уѣхалъ обратно въ С.-Петербургъ, и все дѣло кануло въ вѣчность, какъ это нерѣдко случалось на Св. Руси.⁴⁰

Одновременно съ постройкою лодокъ, не менѣе дѣятельныя приготовленія шли и по другимъ отдѣламъ. Въ концѣ марта послѣдовало окончательное росписаніе полковъ, назначенныхъ въ походъ къ Терку, въ тагъ называемый Низовый корпусъ. Къ нему, кромѣ полковъ стоящихъ на вилтеръ квартирахъ въ Ярославлѣ, въ Романовѣ и Угличѣ, причислены части отъ л.-гв. Преображенскаго, Семеновскаго, Ингерманландскаго полковъ и весь Астраханскій полкъ.⁴¹ Намѣченный походъ сталъ вскорѣ общеизвѣстенъ. По улицамъ Москвы, въ пристойныхъ мѣстахъ, публиковали съ барабаннымъ боемъ, дабы всѣ, обрѣтающіеся въ Москвѣ временно, штабъ и оберъ-офицеры являлись на Потѣшный дворъ съ 10-го марта, съ 8 часовъ утра,⁴² и немедленно слѣшили къ своимъ частямъ подъ опасеніемъ потери чести и имѣнія за неприбытіе. Послѣдній срокъ ихъ явки опредѣленъ—конецъ апрѣля мѣсяца.⁴³ Въ рапортахъ полковника Юнгера, представленныхъ въ военно-походную канцелярію, нѣтъ свѣдѣній объ офицерахъ, бывшихъ въ отпуску, въ баталіонѣ же состояло всего 570 человекъ; число это въ началѣ апрѣля понизилось до 536, а къ началу мая, т. е. ко времени выступленія, въ баталіонѣ не доставало до полного опредѣленнаго указомъ комплекта (748 ч.) 100 ч.⁴⁴ Некомплектъ этотъ надѣялись пополнить во время самаго движенія по Волгѣ рекрутами, собранными въ Нижегородской губерніи, надъ которыми „команду принялъ, обучалъ солдатской экзерциціи и содержалъ въ добромъ порядкѣ, г.-м. Юсуповъ.“⁴⁵ „Отправляясь въ такую дальнюю кампанію, и дабы не принять какой нужды,“ о многомъ надлежало подумать, позаботиться. И тагъ, войска повелѣно удовлетворить немедленно жалованіемъ, сполна по

майскую треть; въ Астрахань, конечный пунктъ сбора, отпустить денегъ на жалованіе для всего корпуса на годъ, медикаментовъ на 2 года, да заготовить запасъ ружей на полкъ солдатскій и драгунскій; лѣкарей, докторовъ и аптекарей должно было быть полное число.⁴⁶ Зная тяжелыя условия, сопровождавшія раздѣленіе полка, вслѣдствіе оставленія большей части имущества въ С.-Петербургѣ, весьма интересно было бы опредѣлить состояніе 1-го баталіона въ моментъ выступленія. Не смотря на отсутствіе свѣдѣній непосредственно отъ полка, вопросъ этотъ, хотя и косвенно, но вполне обстоятельно, выясняется по другимъ документамъ. Возьмемъ на примѣръ снабженіе мундирной одеждой. Московская мундирная канцелярія, въ мартѣ мѣсяцѣ, отправила съ поручикомъ Разладинымъ, въ Ярославль, въ баталіоны Псковскаго и Сибирскаго полковъ, сукна зеленого на мундиры, краснаго на воротники, обшлага и на панталоны, пуговицы и синій подбой. Не говоря уже о неудобствахъ присылки нешитыхъ вещей, да и въ то время, когда отъ строенія лодокъ въ баталіонѣ оставалось не болѣе 20 свободныхъ человѣкъ,⁴⁷ канцелярія направила матеріалы совсѣмъ не туда, куда слѣдовало. Псковскому и Сибирскому баталіонамъ срокъ выдачи кафтановъ и не подходилъ еще, между тѣмъ, какъ въ Рязанскомъ баталіонѣ онъ кончался 31-го іюля. По донесенію полковника Юнгера, Военная Коллегія, указомъ 13-го апрѣля, распорядилась: сукна присланныя въ Сибирскій и Псковскій баталіоны, всего на 1032 кафтана, передать Рязанскому и Воронежскому баталіонамъ.⁴⁸ Не достаточно ли это ясно, что мундирная одежда не могла быть въ хорошемъ видѣ; но мало этого, ее и не хватало. Недоставало ружей, аммуниціи, боевыхъ припасовъ, а нѣкоторыя вещи, полагавшіяся еще по сроку 1719 года, вовсе не поступали, что доказываетъ табель, представленная генераль-адмираломъ гр. Апраксинымъ въ Военную Коллегію.⁴⁹ Замѣчательно что табель эта отправлена 5-го іюня, между тѣмъ, есть указаніе о требованіи полковникомъ Юнгеромъ, на примѣръ, недостающихъ фузей, штыковъ и пистолетовъ гораздо ранѣе 20-го апрѣля.⁵⁰ „Въ полкахъ не имѣется многой аммуниціи,“ писалъ графъ Апраксинъ, „а въ оной, въ нынѣшней, настоящей кампаніи, зависитъ не малая нужда“. По прилагаемой табели, Апраксинъ просилъ „учинить опредѣленіе безъ продолженія времени.“ Въ то время

баталіонъ находился уже въ походѣ, и хотя Военная Коллегія, 11-го іюня, постановила, — все требуемое безъ замедленія отправить воднымъ путемъ,⁵¹ но еще 6-го августа вещи въ баталіонъ не поступали.⁵² Последнимъ, такъ сказать, распоряженіемъ было, дабы чины Низоваго корпуса, въ силу Высочайшей воли, отправились въ назначенный военный походъ, украшенные медалями, установленными въ память минувшей Великой Сѣверной войны. Но и это оказалось не выполнимо. Вотъ что читаемъ въ промеморіи изъ Бергъ въ Военную Коллегію:⁵³ „нынѣ на денежномъ дворѣ золота и серебра самое малое число, а тѣ медали дѣлать не изъ чего; для того, по Его Императорскаго Величества указу изъ Правительствующаго Сената, оныя медали велѣно дѣлать изъ прибыльныхъ денегъ, а не изъ капитала, а на денежномъ дворѣ прибыльныхъ денегъ ничего нѣтъ, о чемъ въ Сенатъ подапо доношеніе— на какия деньги тѣ медали повелѣно будетъ дѣлать, а изъ Сената указу еще не получено.“ Намъ не извѣстно рѣшеніе Сената, но Рязанцы выступили безъ медалей, и многимъ изъ нихъ, сложившимъ головы свои въ горахъ Кавказа, такъ и не пришлось украсить грудь свою этимъ знакомъ отличія.⁵⁴ Такимъ образомъ, хотя и съ большими затрудненіями, но въ половинѣ мая мѣсяца сборы были закончены, лодки готовы и къ Нижнему, съ верховьевъ Волги, потянулись Рязанцы, въ одномъ общемъ отрядѣ войскъ, подъ командою генераль-маіора и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка маіора, Матюшкина, при бригадирѣ Левашовѣ.⁵⁵ Императрѣ съ Императрицей Екатериной, вѣрной спутницей Его въ походахъ, выѣхавъ изъ Москвы, съ гвардіей, 15-го мая, на стругѣ „Москворѣцкѣ“ и, спустившись по рѣкамъ Москвѣ и Окѣ, прибылъ въ Нижний Новгородъ.⁵⁶ Къ 1 іюня, въ Нижнемъ, сосредоточилась вся пѣхота, отборная по качеству, сильная духомъ, умудренная опытомъ долголѣтней кампаніи. Генераль Минихъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что въ Низовый походъ Петръ Великій велъ армію, составленную изъ лучшихъ русскихъ войскъ. Богатый нижегородецъ, баронъ, Александръ Строгановъ чествовалъ обѣдомъ Государя и все войско его и поднесъ для нужды въ походѣ 470 ведеръ сбитня.⁵⁷

2-го іюня тронулись Рязанцы въ путь на Астрахань. Вся флотилія, состоявшая изъ 45 ластовыхъ судовъ и около 800 островскихъ лодокъ, была раздѣлена, для удобства плаванія, на пять

отрядовъ.⁵⁸ Рязанцы во второмъ отрядѣ бригадира Левашова. Отряды шли на разстояніи суточного перехода, не останавливаясь на пути. Одинъ лишь Императоръ, на своемъ стругѣ, по путно, останавливался въ приволжскихъ городахъ, гдѣ дѣлались торжественныя встрѣчи.

Послѣ двухнедѣльнаго плаванія по Волгѣ баталіонъ нашъ прибылъ въ Астрахань, и здѣсь, почти цѣлый мѣсяцъ, по 18-го іюля, провелъ въ приготовленіяхъ къ морскому походу. Строили и чинили суда, заготовляли и грузили провіантъ, закупали верблюдовъ, и пополняли подвозами изъ Москвы, на принятыхъ въ Нижнемъ рекрутовъ, аммуницію. Въ это же время объявленъ, какъ высшимъ, такъ и низшимъ воинскимъ и прочимъ служителямъ, собственноручный указъ Великаго Императора „чего надлежитъ остерегаться въ сихъ жаркихъ краяхъ.“ „Нынѣ же“, читаемъ въ указѣ, „какъ здѣсь, такъ и куда ѣдемъ, еще больше остереженіе имѣть надлежитъ отъ фруктовъ, ради ихъ множества, такъ же отъ соленого, не токмо отъ рыбы, но и отъ мяса, кромѣ ветчины, которую употреблять только для навару, а такъ не ѣсть, чего ради онаго съ собою отнюдь не брать, какъ на полторы или на двѣ недѣли, понеже, когда на землю выдемъ и маршъ землю имѣть будемъ въ самые жары, и въ такомъ жаргомъ климатѣ, гдѣ запрещается весьма все соленое ѣсть, понеже и отъ жару довольно жажды будетъ, кольми же паче отъ соленого. Фрукты лучше не ѣсть вовсе, но понеже того трудно учинить, того ради, хотя и ѣсть, но мало, а особливо остерегаться отъ дынь, сливъ, шелковицы и винограду, отъ которыхъ тотчасъ можетъ кровавый поносъ и прочія смертныя болѣзни припасть. Маркетантерамъ запрещается всѣ фрукты, такожъ всякую рыбу и соленое мясо, когда на землю выдемъ съ моря, продавать, подъ наказаніемъ и вѣчною работою галерною. Такожъ смотрѣть, дабы никто, отъ 9-го часа по утру, до 5 часовъ пополудни, безъ шляпъ не ходили, и не сидѣли, гдѣ кровли нѣтъ, такожъ чтобы въ день же подъ кровлею не спали, и на голой землѣ не лежали, но постлали бы траву, или камышъ, или иное, что сыщется, толстотою не тонѣ пяти дюймовъ, а что толще то лучше.“

„Въ питье воды имѣть надзираніе, дабы не гораздо много пить, не въ самую полную сыть, а иначе въ паршѣ, сіе все чинить офицерамъ самимъ (для образца солдатамъ) и солдатъ держать во всемъ правилѣ, а кто сіе проступитъ, тотъ лишень будетъ чина своего, или вящше наказанъ будетъ, яко преступнигъ указа.“

17-го іюля все было готово къ выступленію въ море. Флотилія изъ 274 судовъ и 200 лодокъ островскихъ на огромномъ протяженіи запрудила устье Волги. На лодкахъ размѣстились солдаты по 60 человекъ на каждой, вмѣсто положенныхъ 40 ч., да сверхъ того еще двухмѣсячный для нихъ запасъ продовольствія; на шлюпки (12 и 10 весельныхъ) сажали по 13—11 человекъ. Все ожидало генеральнаго сигнала о походѣ, а сигналъ имѣлъ изойти отъ главнаго начальника всей флотиліи, довѣреннаго сотрудника Государя, генераль-адмирала; графа, Федора Матвѣевича Апраксина. Лично, самъ Императоръ, также какъ и во время всей Сѣверной войны, подчинился адмиралу, ограничившись скромнымъ званіемъ начальника авангардіи. Наконецъ, поданъ, съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидаемый, сигналъ. „И произошло замѣшательство великое,“ читаемъ въ воспоминаніяхъ очевидца и участника похода Саймонова, „какъ отъ множества судовъ, коими вся Волга была покрыта, такъ и отъ быстрого рѣки теченія. Судно на судно напирало. Должны были большія судна буксировать малыми, чтобы провести ихъ наги въ порядкѣ.“

Въ этотъ день Рязанцы прошли 30 верстъ и остановились на три дня у Иванчука, передъ выходомъ въ открытое море. 21-го іюля флотилія сдѣлала первый морской переходъ и стала при островѣ Четыре-Бугра; здѣсь явился посоль шамхала тарковского съ изъявленіемъ покорности; отъ него принялъ Государь присягу на вѣрноподданство и обѣщаль защиту первому въ сихъ странахъ союзнику Россіи. Въ 3 часа дня, 22-го іюля, двинулись Рязанцы дальше въ море, придерживаясь западнаго берега Каспія.

Находясь все время впереди, Императоръ Петръ Великій, 23-го іюля, присталъ къ устью Терека и тотчасъ же отправился осматривать крѣпость Терки, гдѣ предположено было произвести десантъ. Мѣстность оказалась крайне неудобной и нездоровой для высадки войскъ, а потому Государь рѣшилъ высадить войска южиѣ, въ 8

иляхъ, тамъ гдѣ въ Каспійское море впадаютъ два рукава рѣки Бойсу: сѣверный—Аграхань, южный—Сулакъ. Туда то, оставивъ Терки, направили путь свой Рязанцы. 27-го іюля, въ годовщину памятнаго дня, Рязанскаго полка дня, Гангудской побѣды, флотилія спустилась на высоту Аграхани. На судахъ, по приказу Царя, готовились къ служенію торжественнаго, благодарственнаго молебна; самъ же Государь, поднявшись очень рано, отправился на шлюпкѣ обозрѣть берегъ и выбрать мѣсто для десанта. Долго ѣхалъ Петръ Великій вдоль берега, сплошь заросшаго высокимъ камышемъ, пока, наконецъ, открылась прогалина, а за нею показался берегъ. „За мелкостью воды невозможно было ближе, какъ на 5 саж. подойти къ берегу на шлюпкѣ,“ говоритъ Саймоновъ, „чего ради повелѣлъ Его Величество четыремъ гребцамъ нести себя на доскѣ. Гребцы шли въ водѣ по поясъ, а господинъ Саймоновъ шелъ подлѣ нихъ, чтобы поддерживать Государя, дабы не замочился“. Выйдя на берегъ, Петръ Великій лично занялся выборомъ мѣста для лагеря; на флотиліи же горячо молились Богу Рязанцы—о здравіи Государя, о дарованіи побѣды, о благополучномъ исходѣ ежеминутно ожидаемой высадки. Вслѣдъ за окончаніемъ молебна, громъ салютационной ружейной пальбы впервые всколыхалъ спокойныя волны Каспійскаго моря и гулкимъ эхомъ отозвался въ прибрежныхъ заросляхъ и скалахъ Кавказа, того Кавказа, который, спустя сто лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, потребовалъ много еще кровавыхъ жертвъ для окончательнаго укрѣпленія его за Россіей. Послѣ молебна флотилія бросила якоря противъ того мѣста, гдѣ стояла шлюпка Государя, а въ 4 часа пополудни началась высадка войскъ. По поясъ въ водѣ, за невозможностью гребнымъ судамъ пристать ближе 70 сажень къ берегу, переносили Рязанцы провіантъ, аммуницію и всѣ тяжести, а затѣмъ принялись за возведеніе укрѣпленія, названнаго Аграханскимъ ретраншаментомъ. Укрѣпляя и устраивая на глазахъ Великаго Царя ретраншаментъ, промежуточную базу, начинающагося отсюда сухопутнаго похода, провели Рязанцы на берегу Каспійскаго моря болѣе недѣли, а между тѣмъ, прибыла кавалерія, шедшая отъ Царицына сухимъ путемъ, но задержанная было на маршѣ, произведеннымъ на нее нападеніемъ. Ко времени стоянки въ Аграханскомъ ретраншаментѣ относится интересный эпизодъ характеризующій Великаго Императора и его отношенія къ ближайшимъ со-

трудникамъ. „Не было у насъ безъ забавъ, когда время и случай къ тому допускали“, говоритъ участникъ похода Саймоновъ. „Однажды учинилось, что Государь вспомнилъ корабельное обыкновение, по которому не бывалыхъ прежде на какомъ либо море купать, что чинится блокомъ, съ котораго, сидящіе на доскѣ, опускаются въ воду трижды, или отпускаются подарками. Здѣсь было новое море и Государь желалъ имѣть увеселеніе видѣть оную церемонію, и какъ онъ самъ себѣ отъ оной не выключалъ, то и другіе не могли отговариваться, кольми не страшно было такое дѣйствіе. Первый купался г.-м. И. М. Головинъ, называемый Государемъ „адмиралтейскимъ басомъ“, потомъ слѣдовалъ Государь самъ, по немъ генералъ-адмиралъ Апраксинъ и такъ далѣе, весь генералитетъ и всѣ министры. Весело было смотрѣть, какъ нѣкоторые исправляли сію церемонію съ крайней робостію, а другіе весьма бодро поступали.“

6-го августа, оставивъ въ рептраншаментѣ больныхъ и гарнизонъ въ 233 ч. пѣхоты, отъ 1 до 18 человекъ отъ каждаго баталіона и 1000 казаковъ,⁵⁹ выступили мы южной береговой дорогой направляясь къ Дербенту, и въ тотъ же день, къ вечеру, стали лагеремъ на берегу рѣки Сулака. Переправа черезъ Сулакъ задержала насъ на 4 дня. Переправлялись на паромехъ, сооруженныхъ изъ лодокъ и бочекъ, которыя везли съ собою, и камышевыхъ связокъ. Въ первые два дня стоялъ сильный вѣтеръ. Паромы не могли подходить близко къ берегу и солдаты пробирались въ бродъ. На тростниковыхъ же плоткахъ, во время переправы, люди стояли по поясъ въ водѣ. Сдѣлавъ еще одинъ переходъ, остановились лагеремъ на берегу моря, гдѣ расположенъ теперь г. Петровскъ. Здѣсь, союзникомъ нашимъ, тарковскимъ шамхаломъ, присланы были арбы, убойный скотъ и въ подарокъ Государю 3 лошади. 12-го августа приблизились къ Терку, гдѣ шамхаль Абдуль-Гирей встрѣтилъ Государя за 5 верстъ и проводилъ въ лагерь. Въ Теркахъ явилась депутація, присланная дербентскимъ комендантомъ, который поручалъ себя и городъ покровительству Петра. Государь немедленно отправилъ въ Дербентъ для принятія города полковника Наумова съ 12 казаками.⁶⁰

16-го августа выступили наконецъ Рязанцы дальше къ югу, отойдя 58 верстъ отъ Терокъ, 19-го числа, приблизились къ границѣ владеній султана отемышскаго Махмуда, враждебнаго русскимъ. Посланныхъ съ требованіемъ покорности, трехъ казаковъ султанъ велѣлъ изрубить и звѣрски надругался надъ ихъ тѣлами. Въ тотъ же день султанъ напалъ на нашъ станъ при урочищѣ Бучукъ-Изварѣ, у рѣчки Инджи. Вотъ какъ описываетъ Петръ Великій въ письмѣ къ Сенату это нападеніе. „19-го, въ 3 часа пополудни, изволилъ султанъ Мамуть нечаянно насъ атаковать, чая насъ неготовыхъ застать, которому гостю зѣло были рады, а особливо ребята, которые свисту неслыхали и, принявъ, проводили его кавалерією и третьєю частью пѣхоты до его жилища, отдавая контеръ-визитъ, и побывавъ тамъ для увеселенія ихъ, сдѣлали изъ всего его владѣнія фейерверкъ для утѣхи имъ, а именно (сожжено въ одномъ его мѣстечкѣ, гдѣ онъ жилъ, съ пятьсотъ дворовъ, кровль другихъ деревень, которыхъ по сторонамъ сожгли шесть). Съ нашей стороны убито 5 драгунъ, да 7 казаковъ, а пѣхотѣ ничего не досталось—ни урону, ни находки, понеже ихъ недождались непріатели“. За позднимъ временемъ войска не возвратились въ лагерь а провели ночь въ долинѣ, между двумя холмами, на берегу малой рѣчки. На другой день рано возвратились въ первый свой станъ, гдѣ простояли два дня въ ожиданіи драгунъ и казаковъ. 21-го августа движеніе къ Дербенту продолжалось. Походъ былъ страшно утомителенъ. Стояла палящая жара. Жгучій вѣтеръ, нося тучи песку, увеличивалъ страданія людей и вьючныхъ животныхъ, Императоръ Петръ Великій дѣлилъ съ нами труды и оставался цѣлые дни на конѣ. Страдая отъ жары, Государь приказалъ коротко обстричь свои длинные волосы и приготовить изъ нихъ парикъ, который надевалъ при наступленіи холодной ночи. Императрица слѣдовала въ своей дорожной каретѣ и солдаты во все время похода постоянно подносили ей птицъ и звѣрковъ, попадавшихся по пути. Въ расходной книжкѣ Императрицы то и дѣло встрѣчаются записи: дано гренадеру 8 алтынъ 2 деньги за приносъ живаго фазана; дано за приносъ живаго скворца 16 алтынъ 4 деньги; дано за приносъ зайца и т. п. 22-го августа переправились черезъ рѣку Бонъ-Буамъ по двумъ мостамъ,—одному изъ фашинь и тростника, и другому—на судахъ для артиллеріи. 23-го былъ послѣдній

переходъ и войска остановились въ виду Дербента, уже занята полковникомъ Наумовымъ. Вечеромъ, 25-го августа, Рязанскій баталіонъ готовился къ торжественному вступленію въ Дербентъ. Вся пѣхота расписана на 6 бригадъ и въ приказѣ оповѣщено „чтобы у солдатъ бороды были выбриты, галздуки чтобы были вычещены и рубашки и штилеты чтобы были бѣлыя, только не надѣвать, а какъ придемъ къ огородамъ близъ города, то повѣлено будетъ надѣвать“. 24-го августа, при громѣ пушечной пальбы, вступили въ Дербентъ. За версту отъ города встрѣтилъ Императора „наибъ сего града.“ Онъ предшествовалъ Его Величеству. У воротъ города стояла ихъ пѣхота въ ружьѣ и со знаменами, также духовенство съ Аліевымъ знаменемъ и великое множество народа. Наибъ, ставши передъ Монархомъ на колѣни, поднесъ серебрянные ключи на серебрянномъ же блюдѣ. Шествіе строемъ арміи, барабанный бой и военная музыка были для города весьма новое и удивительное, а строгая дисциплина, наблюдаемая въ войскахъ, и ласковое обращеніе, какъ Монарха, такъ и всѣхъ начальствующихъ и простыхъ воиновъ съ жителями, было причиною, что всѣ лавки отворились въ городѣ, и персіяне обращались съ россиянами, какъ съ собратіей.⁶¹ Такому сближенію, конечно, много способствовалъ строгій приказъ Государя о ласковомъ обращеніи съ жителями, подъ страхомъ смертной казни обидчикамъ.⁶²

На третій день послѣ занятія Дербента, по заведенному въ подобныхъ случаяхъ въ русскомъ войскѣ порядку, произведенъ парадъ съ молебствіемъ и пальбой. Вотъ что по этому поводу читаемъ въ приказѣ:⁶³ „Утре, по пробитіи зори, будетъ строй, чтобъ у солдатъ было по 3 патрона безъ пуль и былибъ бороды выбриты, рубахи и штилеты бѣлыя; пушки со всѣхъ полковъ привезть на уголь къ Семеновскому полку, и утро бы полковые квартирмистры и фурьеры явились къ дежурству для показанія мѣстъ, гдѣ быть строю, въ лагерѣ-бъ имѣть осторожность.“

Занятіе Дербента имѣло для Россіи огромное значеніе. Съ нимъ переходило въ наши руки господство надъ значительной частію того прибрежнаго торговаго пути, изъ за котораго начался походъ, появленіе же русскаго Царя, во главѣ его войска, въ стѣнахъ Дербента должно было произвести сильное впечатлѣніе на всю Персію

и давало намъ выгоды большой нравственной побѣды. Для полнаго однако обладанія береговой дорогой не доставало слѣдующаго опорнаго пункта—города Багу, къ занятію котораго теперь стремились все помыслы Государя.

Между 28 и 31 августа войска выступили изъ Дербента въ Багу и, сдѣлавъ одинъ переходъ (15 верстъ), остановились на рѣкѣ Мюлюгентъ. Здѣсь начались невзгоды, которыя вскорѣ заставили насъ вернуться назадъ.

„По принятіи Дербента“, писалъ Петръ I Сенату, „намѣревались мы идти далѣе и отошли къ рѣкѣ Миликентъ, въ 15 верстахъ отъ города, гдѣ провіантъ выгружать и печь стали (попее тамъ лѣсу довольно для дровъ); тогда учинился великій штормъ, которымъ 13 судовъ ластовыхъ, которыя дѣлали въ Твери, въ томъ же числѣ и 2 тѣлки, разбило, которое несчастіе принудило насъ выжидать судовъ изъ Астрахани.“ Но, спустя нѣсколько дней, получено извѣстіе, что, за бурями, суда идущія изъ Астрахани остановились у Аграханскаго ретраншаментъ, не рѣшаясь пускаться въ открытое море. А, между тѣмъ, жара и бездождіе продолжались; подножный кормъ совершенно выгорѣлъ, люди и лошади болѣли и гибли; въ одну ночь погибло 1700 лошадей. Видя такое тяжелое положеніе арміи, Государь собралъ военный совѣтъ, на которомъ было постановлено идти обратно въ Россію. Идти обратно, но не всемъ. На долю Рязанскаго баталіона, совмѣстно съ баталіономъ Вологодскаго полка (выпѣ 12 гренадер. Астраханскій полкъ) и сборными командами отъ другихъ частей, подъ общимъ начальствомъ нашего командира, полковника, Юнгера, выпалъ завидный жребій остаться въ Дербентѣ, чтобы закрѣпить за Россіей это новое, дорогое для нее пріобрѣтеніе⁶⁴ Такъ распорядившись, выступилъ Императоръ Петръ Великій изъ Дербента съ арміей 7-го сентября и направился знакомымъ уже путемъ на Аграханскій ретраншаментъ. 18-го сентября Государь достигъ Сулака; у развѣтвленія рѣкъ Аграхани и Сулака заложилъ крѣпость св. Креста, второй послѣ Дербента опорный пунктъ на Каспійскомъ побережьи и, 28-го числа, вмѣстѣ съ Государиней, отплылъ въ Астрахань. Вслѣдъ за Ними, на лодкахъ и шлюпкахъ, пустилась въ море пѣхота. Уже на обратномъ пути, говоритъ очевидецъ, туристъ, англичанинъ, Бель, войска почти

ежедневно тревожимы были толпами Дагестанцевъ. Обстановка, слѣдовательно, рѣзко измѣнилась. Азія не разсуждаетъ, чтить только одну силу. Отступленіе, по какимъ бы соображеніямъ не произошло, признакъ слабости, а слабымъ нѣтъ мѣста среди воинственныхъ племенъ Кавказа. Оставленнымъ въ Дербентѣ Рязанцамъ слѣдовало ожидать поэтому не одного горькаго сюрприза, какъ со стороны мнимыхъ нашихъ союзниковъ—шамхала тарковскаго, начальниковъ племенъ и набобовъ, принявшихъ подданство Россіи, такъ и со стороны тѣхъ по виду мирныхъ туземцевъ, которые выжидали лишь случая, дабы сбросить маску и жестоко расчитаться съ ненавистными пришлецами. Гораздо опредѣленнѣе были отношенія съ явными врагами, какъ: султанъ отамышскій Махмудъ и другіе, подобные ему изувѣры; тутъ по крайней мѣрѣ извѣстно было чего держаться, какъ поступать.

При такихъ обстоятельствахъ, положеніе нашего командира, полковника, Юнгера на передовомъ, врученномъ ему Великимъ Царемъ форпостѣ, было не изъ легкихъ: надлежало держать въ повиновеніи обширный городъ съ населеніемъ несомнѣнно враждебнымъ намъ, поддерживать мощь русскаго имени по всей береговой полосѣ, добавимъ, съ ничтожными силами, въ землѣ далекой и чужой, обитаемой воинственными, фанатически храбрыми племенами, отрѣзывающими насъ отъ всякихъ снабженій съ Россіей (ближайшій русскій пунктъ, ничтожная крѣпостца „Св. Креста“, находился не въ лучшемъ сравнительно съ нами положеніи); съ Астраханью, основной базой дѣйствій, связывало насъ Каспійское море, но для этого былъ нуженъ флотъ, а не жалкая флотилія шлюпокъ и лодокъ, занятая, въ добавокъ, перевозкой, возвращающихся съ похода частей.

Для выполненія столь трудной задачи полковникъ Югеръ, ко времени выступленія Царя изъ Дербента, имѣлъ подъ ружьемъ: свой, Рязанскій баталіонъ—374 ч., баталіонъ Вологодскаго полка—335 ч.,⁶⁵ и гренадерскихъ полковъ 84 человекъ, а всего, съ большими, которые по выздоровленіи могли пополнить ряды, въ Дербентскомъ гарнизонѣ было не болѣе 1200—1500 человекъ. Главная масса этихъ войскъ занимала городъ и его цитадель, кромѣ того, незначительныя отряды (караулы), выдвинутые къ сѣверу и къ югу

въ Дербента, прикрывали подступы къ городу, наблюдая и держа въ повиновеніи окрестное населеніе. Караулы эти расположились въ особыхъ, специально для того построенныхъ укрѣпленіяхъ „траншаментяхъ“. Сѣверное, укрѣпленіе, ближайшее, между Дербентомъ и Таргами,—гарнизонъ его составляли: 20 человѣкъ нижнихъ чиновъ Рязанцевъ и 16 человѣкъ Вологодскаго полка, при 5 пушкахъ; второе—болѣе удаленное, въ 15 верстахъ отъ Дербента, на рѣки Илюкентъ, крайній пунктъ до котораго лично доходилъ Царь съ войсками и откуда повернулъ въ Россію, въ немъ гарнизонъ: 14 человѣкъ Рязанцевъ, 14 человѣкъ Вологодцевъ и 94 казаковъ, число артиллеріи неизвѣстно, комендантъ гренадерскаго полка, капитанъ-поручикъ Бенинъ.⁶⁶

Караулы эти снабжены были провіантомъ на два мѣсяца, да въ достаточномъ количествѣ свинцомъ и порохомъ. Судовъ, годныхъ для перевозки войскъ и надлежащимъ образомъ вооруженныхъ, не было оставлено полковнику Юнгеру никакихъ, за исключеніемъ шлюпки, подаренной Государемъ дербентскому паибу, да прибывшей около половины сентября съ унтеръ-лейтенантомъ Юшковымъ одной шнявы. Отсутствіе судовъ—весьма чувствительный недостатокъ, что можетъ быть даже объяснено желаніемъ—Государя отнять войскамъ всякую мысль объ отступленіи въ Россію.

Недолго, всего лишь четыре дня, прошло со времени ухода Царя изъ Дербента, какъ, 12-го сентября, со стороны сѣвернаго „траншаментя“ раздался громъ пушечной и ружейной стрѣльбы. Бановада въ теченіи двухъ дней то ослабѣвала, то усиливалась и 14-го сентября достигла наибольшаго напряженія. Обезпокоенный за участь сѣвернаго караула, полковникъ Юнгеръ потребовалъ къ себѣ дербентскаго паиба и предложилъ ему—дать въ распоряженіе русскихъ 200 ч. конныхъ туземцевъ, дабы съ ними, и съ баталіономъ пѣхоты, идти выручать, повидимому, атакованный въ ретраншаментѣ карауль.⁶⁷ Теперь только разъяснилась обстановка. Дать требуемыхъ людей паибъ отказался и объяснилъ, что сѣверный корпусъ, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, атакованъ не мѣнѣе какъ 15 т. туземцевъ, которые облегли ретраншаментъ со всѣхъ сторонъ. Выручить погибающихъ товарищей малымъ числомъ людей была невозможно, послать достаточной силы отрядъ, значило—

оставить городъ безъ всякой защиты. А тутъ наибъ представилъ и письмо, полученное имъ отъ главы возставшихъ жителей, Даутъ-Бека, въ которомъ, сей послѣдній, предлагалъ дѣйствовать съ нимъ заодно, помочь взять Дербентъ и русскихъ перебить.⁶⁸

Дѣлать нечего, а, смирясь, пришлось положиться на одну лишь волю Божию. Съ тревожнымъ чувствомъ безпокойствія за участь товарищей провели Рязанцы весь день 14-го сентября, прислушиваясь къ грому отдаленной канонады. Но къ вечеру канонада смолкла, что нисколько однако не успокоило нашихъ въ Дербентѣ.

На утро, 15-го сентября, посланные изъ города добыть языка 4 татаръ вернулись съ крайне неопредѣленными, по въ высшей степени тревожными вѣстями: проникнуть въ транжаментъ имъ не удалось, смотрѣли только издалека, а въ „транжаментѣ“ никого нѣтъ.

Для обстоятельнаго изслѣдованія происшедшаго, полковникъ Юнгерь отпривилъ къ ретраншаменту дербентскаго пустытника, Шинхбы-Горъ, человѣка весьма почитаемаго туземцами, который, по донесенію нашего командира адмиралу Апраксину, такъ представилъ дѣло:⁶⁹ „пришедъ прежде въ деревню Усмѣеву, спрашивалъ онъ (пустытникъ) усмѣевскихъ людей—сколько русскихъ и сколько татаръ побито?—и они ему сказали, что русскіе все побиты, только ушли подъ гору, къ рѣкѣ, 3 человѣка и оныхъ не нашли, а про татаръ одинъ сказалъ, что побито и ранено 400 человѣкъ, а другой сказалъ, неправда, только побито татаръ 10 ч., да ранено 50 человѣкъ. И спрашивали они пустытника—много ли въ Дербентѣ русскихъ людей? и онъ сказалъ имъ—людей съ тысячи четыре, кромѣ судовъ; и они ему говорили—неправда, ты де радѣешь наibu, а которые изъ Дербента къ намъ приходятъ, то де сказываютъ, что русскихъ съ 1000 ч. и то больныхъ много, и сказали ему пустынику, что транжаментъ брали исмѣевскіе, сурхаевскіе и салтана Мамутова люди, и ѣдутъ оныя разорять деревни Урустана-бека, которыя близъ Дербента.“ Проникнувъ въ ретраншаментъ, пустыникъ, какъ внутри укрѣпленія, такъ и около оного, насчиталъ 188 тѣлъ убитыхъ русскихъ и татаръ.

Такъ пало сѣверное укрѣпленіе, геройски защищаемое до послѣдняго человѣка Рязанцами и доблестными ихъ товарищами Вологодцами. Не спасся ни одинъ человѣкъ, такъ какъ, хотя, по

словамъ жителей, тремъ человѣкамъ и удалось уйти въ горы, тѣмъ не менѣе, въ Дербентъ они не явились и, вѣроятно, рано или поздно стали жертвой голода или, что хуже, жертвой фанатиковъ туземцевъ.⁷⁰

Подробности 4-хъ дневной обороны ничтожнаго гарнизона, раздавленнаго тысячной толпой татаръ, такъ и останутся для насъ навсегда покрыты мракомъ неизвѣстности. Только лишь количество тѣлъ побитыхъ враговъ свидѣтельствуешь, какъ дорого продавали жизнь Рязанцы, какъ защищали постъ, порученный ихъ чести, ихъ доблести. Вѣчная память героямъ.!

Горькая участь, постигшая сѣверный карауль, наводила на самыя неутѣшительныя предположенія. „Надѣюся,“ доносилъ полковникъ Юнгерь адмиралу Апраксину, „что, конечно непріятельскіе люди будутъ приступать къ другому траншаменту (южному), и о томъ поворно доношу—повелите ли взять изъ одного траншамента караульныхъ людей, или нѣтъ, понеже, хотя провіанту имъ завезено на два мѣсяца, также пороху и свинцу довольно, однакожь оный траншаментъ отъ города далече.“ Донесеніе это, посланное въ Астрахань 17-го сентября съ капитаномъ фонъ Вердинымъ, не успѣло и дойти по назначенію, какъ непріятель всѣми силами обрушился на южный карауль. Строго говоря, ретраншаментъ на рѣкѣ Мюлюкентъ, съ первыхъ же дней послѣ выступленія Государя изъ Дербента, былъ уже осажденъ туземцами, которые, по словамъ полковника Юнгера,⁷¹ „къ нему наѣзжаючи, по всякъ день, стрѣляли“ по настоящее нападеніе произведено 19-го сентября. Въ этотъ день, послѣ продолжительной, ожесточенной стрѣльбы, Даутъ-Бекъ съ пятью тысячами отборныхъ туземцевъ, бросился на штурмъ южнаго ретраншамента. Имѣя во главѣ закованнаго въ латы дагестанца, непріятель, съ изумительной храбростью, съ полнымъ пренебреженіемъ къ смерти, достигъ рва укрѣпленія. Завязался отчаянный рукопашный бой. И не выдержали натиска Рязанцевъ татары. Палъ храбрый витязь ихъ, „панцырщикъ“. Беспорядочной толпой побѣжалъ отъ укрѣпленія непріятель, наши же, выскочивъ изъ ретраншамента, преслѣдовали бѣгущихъ. Трофеями молодецкой вылазки были 2 непріятельскихъ знамени.⁷² Отбитый отъ укрѣпленія, непріятель до самаго вечера не предпринималъ ничего серъ-

езнаго, въ сумерки же опять возгорѣлась стрѣльба, но не на долго. Это татары, по древнему обычаю, подбирали тѣла своихъ убитыхъ и раненыхъ товарищей, не желая оставить ихъ въ рукахъ враговъ. Дель 19-го сентября обошелся не дешево крошечному гарнизону. Рязанцы потеряли убитыми 3 человекъ и столько же тяжело ранеными; товарищи ихъ вологодцы—одного убитого и одного тяжело раненаго, казаковъ выбыло изъ строя 5 человекъ⁷³. Число легко раненыхъ неизвѣстно.

Остается удивляться, какъ жалкая горсть, засѣвшихъ въ укрѣпленіи русскихъ удалцевъ, не была съ одного размаху задавлена многотысячной толпой, ничуть не уступавшей въ храбрости нашимъ. Способствовало этому, кромѣ, конечно, высокаго духа воинской дисциплины и беззавѣтной преданности долгу, превосходство въ вооруженіи. Туземцамъ, вооруженнымъ холоднымъ оружіемъ, не легко было бороться противъ ружейнаго въ особенности же противъ артиллерійскаго огня. Большое, сравнительно, число артиллеріи, отпущенное въ сѣверное и южное укрѣпленія, при гарнизонахъ въ нѣсколько десятковъ человекъ, свидѣтельствуетъ о дальновидной предусмотрительности Царя Петра Великаго. Его вѣриомъ глазомѣрѣ, тонко считавшимся съ данными обстановки. Что сила огня развита была нашими молодцами до послѣднихъ предѣловъ возможнаго свидѣтельствуетъ разрывъ во время дѣла одной чугунной пушки и 46 солдатск. ружей.⁷⁴ Слѣдовало однако ожидать, что чуткій непріятель, наученный горькимъ опытомъ, сумѣетъ скоро примѣниться къ новой, необычайной для него обстановкѣ боя, а превосходство силъ, въ связи съ невозможностію пополнить наши огнестрѣльные припасы, дастъ непременно въ руки его побѣду. „И о томъ Вашему Сіятельству покорно доношу“, писалъ полковникъ Юнгеръ Апраксину, 20-го сентября,⁷⁵ „какимъ образомъ отъ нападенія непріятельскаго тѣмъ караульнымъ чинить вспоможеніе, понеже ихъ посажено малое число а непріятель со многимъ войскомъ приступаетъ зѣло сильно, а вывести оныхъ изъ трамента, или къ нимъ людей прибавить, безъ указу не смѣю.“ Единственно, что могъ и дѣйствительно сдѣлать полковникъ Юнгеръ—это отправилъ къ устью рѣки Мюлюкентъ вооруженную шлюпку дербентскаго намба для обстрѣливанія съ моря береговой дороги, ведущей къ укрѣпленію;

взбывающаяся въ распоряженіи командира еще одна шнява къ несчастію съли на мель на дербентскомъ рейдѣ; шняву разоружили, и во время, такъ какъ 19-го сентября она была сожжена, подкравши- нися къ ней татарами, вѣроятно жителями Дербента.

Между тѣмъ, затишье послѣ боя 19-го сентября продолжалось не долго. 21-го числа непріятель возобновилъ нападеніе на южный караулъ съ меньшимъ, какъ и прежде, ожесточеніемъ. Словно разъяренные звѣри лезли татары безъ оглядки въ ровъ, а затѣмъ на валъ ретраншамента. И смѣлая атака эта, неудачная по послѣдствіямъ, стоила имъ очень дорого. Однихъ убитыхъ татаръ, во рву и на валу наши насчитали 80 человекъ, а въ томъ числѣ 3-хъ князей, на валу, же раненъ копьемъ глава цѣлаго племени.⁷⁶ Разразившаяся гроза, перешедшая затѣмъ въ мелкій и на долго затянувшійся дождикъ, прекратила бойню. Татары расположились по Черной рѣчкѣ, въ ближайшихъ деревняхъ, самъ же Даутъ-Бекъ, въ 3—4 верстахъ отъ укрѣпленія, въ деревнѣ Марегѣ.

Благополучныя пока извѣстія объ отбитыхъ штурмахъ южнымъ карауломъ мало успокаивали нашего дѣльнаго командира полка. Тревога за участь вѣрннаго ему поста не только не улеглась, а, напротивъ, усилилась. Такъ, вѣрные доносы шпионовъ говорили, что главари туземныхъ скопищъ—Даутъ-Бекъ и Исметъ, поклялись, во что бы то ни стало, овладѣть ретраншаментомъ и идти затѣмъ съ 20 т. человекъ къ Дербенту; преданный намъ наибъ дербентскій устно и письменно угаваривалъ полковника Юнгера вывести изъ ретраншамента людей, не подвергать ихъ напрасной и очевидной гибели, наконецъ, и самъ комендантъ укрѣпленія, капитанъ-поручикъ Бенинъ, сообщалъ о крайнемъ напряженіи нравственныхъ силъ гарнизона въ особенности же казаковъ, какъ менѣе дисциплинированныхъ. Паника вещь заразительная, она могла передаться даже такимъ испытаннымъ воинамъ, какъ Рязанцы и Вологодцы. Вотъ, 21-го и 23-го сентября, вслѣдъ за отбитымъ штурмомъ, доносилъ Бенинъ:⁷⁷ „которые казаки на караулѣ, тѣ убоявся, что впредь будетъ непріятельское нападеніе, говорили, что невозможно де намъ такими малыми людьми отъ многосильнаго непріятельскаго владенія устоять, и хотѣли идти вопъ изъ крѣпости, и были удержаны съ пристрашеніемъ; а 22-го сентября къ вечеру, изъ

транжаменты казаки пошли воять, черезъ стѣну, оставя и сотника и казаковъ съ 30 человекъ.“ По уходившимъ открытъ былъ огонь изъ укрѣпленія и изъ шлюпки, стоявшей въ устьѣ рѣки Мюлюкентъ; „и отъ той стрѣльбы оныя казаки возвратились въ транжаментъ. А сотникъ казачій тоже говоритъ, что устоять противъ непріятеля съ малыми людьми невозможно, и если де людей намъ не прибавятъ изъ Дербеня, то де оставимъ транжаментъ и пойдемъ въ Дербень.“ Въ заключеніе Бенинъ доносилъ, что „отъ непріятельскихъ приступовъ и пушечной стрѣльбы у транжамента стѣна обвалилась, на которую ежели де шагнуть разъ, то въ городѣ будетъ.“

Совокупность такихъ условій заставила полковника Юнгера собрать военный совѣтъ изъ штабъ и оберъ-офицеровъ дербентскаго гарнизона, которому предложенъ вопросъ: ⁷⁸— „что чинить во ономъ транжаментѣ? понеже городовая стѣна обвалилась, а казаки, хотя и наки въ транжаментѣ остановились, однакоже, смотря на такое ихъ смущеніе и робость, надежды на нихъ имѣть стало не возможно.“ Военный совѣтъ единогласно постановилъ: „изъ транжаменту, какъ людей, такъ и припасы вывезти въ Дербень, дабы непріятель не овладѣлъ, также какъ и въ первомъ транжаментѣ.“

Постановленіе военнаго совѣта приведено безъ помѣхи со стороны непріятеля въ исполненіе 27-го сентября. Ретранжаментъ оставленъ, припасы вывезены. Казаки, вмѣстѣ съ сотникомъ, преданы военному суду. Теперь, заботы полковника Юнгера сосредоточились исключительно на городѣ Дербентѣ, для защиты котораго было болѣе чѣмъ достаточно силъ, а боевыхъ запасовъ и продовольствія въ изобиліи; за отправкой послѣдняго изъ Астрахани наблюдали наши офицеры—капитанъ, Никита Голодецкій и прапорщикъ, Иванъ Грибуновъ. Въ донесеніяхъ полковника Юнгера адмиралу Апраксину встрѣчаемъ лишь жалобы на чувствительный недостатокъ фуража, крупъ и соли, да на необходимость имѣть, „для всякой нужды“, шлюпку, или же какое нибудь судно.⁸⁰ Что же касается непріятеля, то онъ, послѣ оставленія нами второго ретранжамента, близко къ городу не подступалъ, расположился въ недалекомъ разстояніи лагеремъ, ограничиваясь однимъ только наблюденіемъ. „Гарнизонъ въ добромъ здоровіи,“ писалъ полков-

никъ Юнгерь, „только изъ окрестностей жители ничего не привозятъ, потому что непріятель близко и изъ города не только солдатамъ, но и жителямъ выходить пельзя, развѣ для дровъ“.

Такое относительное затишье продолжалось до 12 часовъ 23-го октября, когда непріятель съ двухъ сторонъ подошелъ къ стѣнамъ Дербента, повидимому, намѣреваясь штурмовать городъ. „Пушечный и мушкетный огонь продолжался до самой ночи,“ говорятъ въѣдомости (журналъ военныхъ дѣйствій), наконецъ, непріятель вылазкою дербентскихъ солдатъ отбить прочь и ночевалъ за бугромъ, что и часовые ихъ въ виду были; на вылазкѣ ранено Рязанскаго баталіону два человекъ, а ночью подходили-жь подъ наши караулы къ городу и стрѣльбою мушкетной отбиты.“ Слѣдую той же въѣдомости видимъ, что нападенія возобновлялись 24, 25 и 26 октября.⁸¹ „По утру, 24-го октября, Даутъ-Бекъ со своимъ войскомъ отступилъ и отшедъ до рѣки Мюлюкентъ остановился, а Исмѣтъ съ войскомъ къ Дербеню приступалъ близко пѣхотою, и стрѣляли въ городъ изъ городскихъ рововъ и изъ за каменья; также и конница, прибѣгши къ стѣнѣ близко, стрѣляла,—тогда отъ непріятельской стрѣльбы на стѣнѣ убитъ Рязанскаго баталіона 1 человекъ, да ранено 6 человекъ. И тотъ день, отъ самага утра до ночи, была отъ непріятеля въ городѣ стрѣльба, и около города многіе сады сожгли и порубили, также и отъ насъ изъ города стрѣляли по нихъ изъ пушекъ и изъ мушкетовъ, а что изъ нихъ побито и ранено прямо извѣстія нѣтъ. И пришедъ отъ непріятеля одинъ человекъ къ городской стѣпѣ близко говорилъ русскимъ языкомъ: „отдайте Дербень; пришло насъ сто тысячъ, а ежели не отдадите, то возьмемъ силою и васъ всѣхъ вырубимъ.“ А въ сумерки отошли отъ города прочь въ свой лагерь и, ночевавъ, наки пришли къ городу близко 25 октября, и стрѣляли въ городъ до обѣда, и отошли, понеже тогда былъ дождь весь день, и затѣмъ послѣ обѣда не приступали и ночевали въ своихъ лагеряхъ.“ „26-го октября наки непріятель къ городу пѣхотою и конницею приступа стрѣлялъ отъ утра до ночи, также и на непріятеля изъ города изъ пушекъ и ружья стрѣляли весь день. Тогда же отъ нашей стрѣльбы на непріятельской сторонѣ убиты 3 человекъ;

которыхъ видно было, что несли непріятельскіе люди на епанчахъ и въ сумерки отступили-жъ въ свои лагоры.“

Но близокъ былъ уже конецъ испытаніямъ Рязанцевъ. 27-го октября, раннимъ утромъ, толпы конныхъ и пѣшихъ татаръ, темной тучей, пронесли мимо города, торопливо направляясь къ югу. Что сіе значить? въ недоумѣніи спрашивали Рязанцы. Но прошло еще нѣсколько томительныхъ часовъ и мертвая тишина никѣмъ не была нарушена. Посланные на развѣдку лазутчики сообщали, что лагерь пусть и въ ближайшихъ окрестностяхъ города ничемъ подозрительнаго не замѣтно. Непритель отступилъ—это несомнѣнно, и, въ добавокъ, въ тотъ моментъ, когда, повидимому, все было готово къ рѣшительному штурму; по крайней мѣрѣ, приготовленныя во множествѣ, въ опустѣвшемъ теперь лагерѣ, связки фашинъ свидѣтельствовали объ этомъ. Вскорѣ не замедлили выясниться и причины внезапнаго и поспѣшнаго отступления. Еще 28-го октября Даутъ-Бекъ получилъ тревожныя извѣстія о вспыхнувшемъ противъ него въ Шемахѣ мятежѣ. До 60 человекъ главныхъ поверженцевъ Даута были изрублены врагомъ его, султаномъ Али и головы ихъ, посаженныя на колья, украсили шемахинскія стѣны. Въ довершеніе бѣды, караванъ Даута, шедшій изъ Астрабада, мимо города Баку, разграбленъ былъ бакинцами, причемъ весь багажъ и 50 головъ верблюдовъ захвачены грабителями. Идти на выручку къ Шамахѣ, наказать бакинцевъ, стало теперь для Даутъ-Бека болѣе важнымъ, нежели не предвѣщавшіе успѣха приступы къ Дербенту.

Такъ миновало благополучно горячее время сентябрьскихъ и октябрьскихъ дней подъ Дербентомъ; миновало, благодаря стойкости Рязанцевъ, благодаря разумной, выдержанной распорядительности ихъ командира полковника Юнгера. Не позволивъ себѣ увлечься излишней пылкію, даже въ такой тяжелый моментъ, какъ штурмъ дагестанцами южнаго и сѣвернаго ретраншаментовъ и гибель послѣдняго изъ нихъ, помня, что мы оставлены не для громкихъ побѣдъ и завоеваній, а лишь бы удержать пріобрѣтенное цѣною большихъ усилій и матеріальныхъ затратъ, полковникъ Югеръ, съ оставленными въ его распоряженіи силами, какъ нельзя болѣе умѣло и толково исполнилъ предначертанія Государя. Выносливость,

терпѣніе русскихъ, должны были сломить и сломили пылкихъ азіатовъ. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, вслѣдъ за приподнятой до крайнихъ предѣловъ энергіей, наступила реакція, полный упадокъ духа. Прославляемаго недавно въ горахъ и на Каспійскомъ побережьи Даутъ-Бека, теперь поносили повсемѣстно. Въ ближайшихъ къ Дербенту дѣревняхъ раздавались горькія пританія: „принудилъ насъ Даутъ учинить русскимъ людямъ многія обиды, а теперь придутъ они, перебьютъ и разорятъ насъ.“ Возмущеніе все увеличивалось и дошло наконецъ до того, что Даутъ-Бекъ долженъ былъ приостановить маршъ къ Шемахъ и роспускалъ слуха о непремѣнномъ желаніи его—взять Дербентъ. „Не вѣримъ тебѣ,“ говорили ему выборные изъ ауловъ старшины, „ты съ нами на приступъ больше не пойдешь и насъ оставишь.“ Даутъ клялся священнымъ кораномъ, что Дербентъ попытается взять, или же поставитъ по обѣимъ сторонамъ города на караулъ по тысячѣ чело-вѣкъ, чтобы жителямъ деревенскимъ никакого разоренія не было. Подъ днемъ 2 и 3-го ноября отмѣчено въ вѣдомостяхъ (журналъ воен. дѣйствій), что „ночью, къ Дербенту, къ карауламъ, пріѣзжали партіи отъ непріятели.“ Но дѣло русское уже стояло прочно. Какъ разъ, въ это время (6-го ноября), подъ личнымъ наблюденіемъ Царя, изъ Астрахани, отплывала флотилія для занятія города Решта, близъ юго западнаго угла Каспійскаго моря; вскорѣ Рештъ былъ взятъ, и береговой путь окончательно замкнутъ нами. Между Дербентомъ и Рештомъ въ рукахъ непріятели находился еще одинъ городъ Баку, дни свободы котораго были уже сочтены.

Успѣхи наши въ странахъ Кавказа, гдѣ интересы Россіи и Турціи безусловно сталкивались, не могли не встревожить послѣдней. Насколько для Петра важно было утвердиться на Каспійскомъ побережьи и поддержать, прибѣгающихъ къ Его покровительству, христіанскіе народы Персіи—грузинъ и армянъ, настолько для Порты—помѣшать этому утвержденію, опираясь на магометанское населеніе Закавказія—лезгинъ, а также родственныя имъ племена Дагестана. Все это довершалось интригами западно европейской дипломатіи въ Константинополѣ, предостерегающей султана бережся Россіи, но не бояться, ибо, какъ выражался англійскій посолъ, въ поданномъ Портѣ меморіалѣ, русскій государь не въ дружбѣ ни съ однимъ изъ европейскихкихъ государей, всѣ они ему злодѣи.⁸²

И Порта дѣйствительно злилась, интриговала, страцала Россіи войною, но въ сущности не желала ея. Въ Константинополѣ хлопотали не о защитѣ Персін, но хотѣли овладѣть, прежде всего, христіанской Грузіею, чтобы не быть отрѣзанными отъ магометанскихъ народовъ Кавказа. Турки угрозами надѣялись заставить Россійскаго Императора оставить Кавказскія страны. Но Петра трудно было напугать, особенно когда онъ считалъ пріобрѣтеніе Каспійскаго побережья необходимымъ дополненіемъ къ пріобрѣтенію побережья Ботническаго. Воля Петра въ этомъ отношеніи была непреклонна. И не даромъ писалъ Царь послу русскому въ Константинополѣ: „ежели Порта хочетъ нарушить вѣчный миръ безъ всякой съ нашей стороны причины, то, предавая такой поступокъ суду Божію, къ оборонѣ своей, съ помощью Божіею, потребные способы найдемъ.“⁸³

Такою напряженностью вѣшнихъ осложненій вскорѣ восчувствовалъ нашъ 2 й баталіонъ, мирно квартирующий въ Ярославлѣ.

Пріостановленные съ наступленіемъ зимы, работы на Ладожскомъ каналѣ должны были вновь начаться весной, а неизвѣстность, прійдется ли Рязанскому баталіону прійять въ нихъ участіе, продолжалась не долго. 2-го февраля 1723 года состоялся Высочайшій указъ, повелѣвающій представить отъ полковъ свѣдѣніе о числѣ людей для будущей весенней канальной работы, причемъ, въ нашемъ баталіонѣ оказалось 593 человекъ по списку.⁸⁴ Велѣдъ за этимъ, такъ сказать, предварительно освѣдомляющемъ насъ о будущей дѣятельности распоряженіемъ, получилось и окончательное рѣшеніе: Рязанцамъ быть въ семь (1723 г.) году на канальной работѣ, и идти туда отъ Ярославля, черезъ Романовъ и Устюжну, до Ладоги.⁸⁵ Работы, на этотъ разъ, должны были производиться подъ руководствомъ столь извѣстнаго впоследствии генераль-лейтенанта Миниха, которому Императоръ еще зимою приказалъ—отъ Витвора каналъ прійять, осмотрѣть и доложить, что въ будущемъ году дѣлать.⁸⁶ Выступилъ ли баталіонъ по назначенію—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, до Ладоги дойти не могъ, ибо, вслѣдствіе обострившихся отношеній съ Турціею, въ началѣ апрѣля, пошли повсемѣстно пріготовленія къ войнѣ: полки съ работъ сняты, и велѣно имъ быть въ полной готовности на прежнихъ квартирахъ. „Ради наступающей

Кампаніи“, писали къ подполковнику Фосъ изъ Военной Коллегіи, быть во всякой готовности къ походу. Для чего пересмотрѣть команду свою по спискамъ и списки въ Военную Коллегію немедленно представить о слѣдующихъ и недостающихъ вещахъ. Полкъ въ добрый порядокъ привести, чтобъ неисправности и погрѣшеніи не явилось, и понеже дано довольно число рекрутъ, того ради, имѣть постоянную экзерцицію ротами, баталіономъ, причемъ обучать стрѣльбѣ, для которой дать на каждаго человѣка рядоваго по фунту пороху.“ Далѣе говоритъ указъ, „чтобъ часть въ такомъ порядкѣ была, дабы ни малѣйшей погрѣшности не явилось, понеже, по Его Величества указу, вскорѣ отправлены будутъ изъ членовъ Военной Коллегіи и генералитета инспекторы, и ежели найдутъ неисправность, то командиры суждены будутъ по воинскимъ регламентамъ. Рапортовать о всемъ, по нуждѣ и по два раза въ мѣсяцъ.“⁸⁷

Такимъ образомъ, и для 2-го баталіона наступилъ періодъ чисто военной дѣятельности, которая, со времени передвиженія въ Ярославль, стоянки тамъ и работъ на каналѣ, отошла было на второй планъ. Упражненія въ воинской экзерциціи, надо полагать, подвигались усильно, по крайней мѣрѣ замѣчаній съ этой стороны не встрѣчается. Но не такъ обстояло дѣло все съ той же матеріальной частью. Полковое имущество все оставалось еще въ С.-Петербургѣ, и только теперь посланы были за нимъ подводы, всего на 8 лошадяхъ. Разстояніе отъ Ярославля до Петербурга не малое—и когда онѣ могли возвратиться?! Дѣйствительно. Подходилъ къ концу 1723 годъ, а полковыхъ тягостей все еще не было въ Ярославлѣ. „Въ Рязанскомъ баталіонѣ на лицо только одна лошадь, да и та негодная,“ доносилъ генералъ Аларть въ Военную Коллегію,⁸⁸ „въ добавку требуется ихъ 141.“ У насъ немного данныхъ для полной обрисовки состоянія 2-го баталіона, но и имѣющіяся свѣдѣнія достаточно характерны. Такъ напр., оказывается, что переданныя въ 1-й баталіонъ при отправленіи его въ Низовый походъ рогатки, до апрѣля мѣсяца 1723 года не были вновь заведены. Военная Коллегія повелѣла дѣлать ихъ и оковывать желѣзомъ, а гдѣ нѣтъ его, то и безъ желѣза.⁸⁹ Здѣсь конечно видна поспѣшность, какъ и вообще во многомъ другомъ. Не менѣе туго подвигалось дѣло и съ доставкой лошадей. Командированный для этой цѣли подпо-

ручикъ Иванъ Чаплыгинъ скупалъ ихъ на наличные деньги въ Новгородской провинціи, приче́мъ, цѣна лошади не превышала 6 рублей, а по имѣющимся свѣдѣніямъ только за октябрь и ноябрь мѣсяцы пріобрѣтено ихъ было всего 12.⁹⁰ Когда, такимъ образомъ, у насъ въ Россіи шли приготовленія на всякій случай и велись переговоры съ Турціею, 1-й баталіонъ не покидаетъ Дербента, составляя постоянный его гарнизонъ. А, между тѣмъ, 28-го іюня 1723 года, г. Матюшгинъ занялъ Баку, а 12-го сентября въ Петербургѣ подписанъ съ Персіею договоръ, по которому Россія пріобрѣтала г. г. Дербентъ, Баку и провинціи: Гилянъ, Мазандеранъ а Астрабадъ. Несмотря на столь крупныя событія, Порта, все же таки, войны не объявляла, стремясь сама утвердиться въ Арменіи и Грузіи. Возможность военного похода для 2-го баталіона становилась мало вѣроятной, а вскорѣ и вовсе исчезла. Недорозумѣнія съ Турціею по поводу Кавказскихъ дѣлъ закончены были договоромъ 12-го іюня 1724 года.

Оставаясь по прежнему на зиму въ квартирахъ въ городѣ Ярославѣ, имѣя въ виду одно только продолженіе канальныхъ работъ, мирно и тихо проводилъ баталіонъ время. Однообразіе нарушалось развѣ только событіями, не выходящими за предѣлы скромной, полковой жизни, какъ напри́мѣръ: смерть въ теченіи зимы 1722/3 г. двухъ старыхъ Рязанцевъ—полкового обознаго Павла Петровича Горбунова и капитана Ивана Артемьевича Кишкарна.⁹¹

Но ежели не было и не предвидѣлось скоро вѣдшей войны, за то внутренняя дѣятельность Царя, направляемая въ устройство обширной Россіи, подвигалась съ усиленной энергіею, затрогивая, весьма часто, самые существенные интересы военнослужащихъ. Купленное цѣною неимоверныхъ напряженій выгодное положеніе государства, могло быть сохранено опять такими же средствами, какими было пріобрѣтено. Окруженной врагами, Россіи нужны были: хорошая армія, флотъ, удовлетворительные финансы,—нужна была наука, знающіе люди. Какъ при Владимірѣ Св., такъ и теперь, служба военная не была отдѣлена отъ гражданской. Попытки въ этомъ направленіи оставались проектами на бумагѣ. Но сильный толчокъ, данный Петромъ развитію Россіи, настоятельно требовалъ этого раздѣленія. Но откуда взять людей? Оставалось

для этого, единственно только, военное, служилое сословье. Въ 1721 году Петръ Великій учреждаетъ герольдмейстерскую должность, а въ январѣ 1722 года появляется табель о рангахъ, регулирующая чины и должности, какъ военные, такъ и гражданскіе, и придворные. Герольдмейстеръ долженъ былъ брать изъ служилыхъ и готовить ихъ для гражданства, понемногу, чтобы не оскудить арміи и флота. „Повиненъ герольдмейстеръ“ писалъ собственноручно Петръ Великій,⁹² „во всемъ государствѣ всѣхъ дворянъ списки имѣть... и сдѣлать краткую школу и ему вручить, дабы отъ дворянскихъ фамилій обучать гражданству и экономіи; такожъ смотрѣть, дабы въ гражданствѣ болѣе того отъ каждаго фамилій не было, дабы служилыхъ на землѣ и морѣ не оскудить.“ Высочайшій указъ отъ 18-го января 1723 года о доставленіи таковыхъ списковъ Рязанскимъ полкомъ въ герольдмейстерскую канцелярію полученъ былъ въ Ярославлѣ 4-го марта, а 6-го числа, за подписью полковника фонъ Феникъ Бира, отправлено свѣдѣніе— „Резанскаго полку коликое число обрѣтается штабъ и оберъ-офицеровъ, при оставшемся 2-мъ баталіонѣ и въ Низовомъ походѣ при 1 баталіонѣ, которые дослужились въ штабъ и оберъ-офицеры изъ иноземцевъ, изъ шляхетства и не шляхетства.“⁹³ Изъ свѣдѣнія этого видно, что въ полку состояло офицеровъ: изъ дворянъ 17, изъ не шляхетства 17, изъ иноземцевъ 5. Нижнихъ чиновъ дворянъ 63 человекъ.⁹⁴ Приведенныя цифры наглядно показываютъ, что одна половина офицеровъ полка принадлежала къ природному, старинному, русскому дворянству, другая—кровью своею на службѣ Россіи приобрѣла это почетное званіе. Ежели же примемъ во вниманіе, что весь офицерскій составъ былъ одной русской народности, и исповѣдывалъ одну православную вѣру, не исключая даже и 5 человекъ иноземцевъ, совершенно слившихся въ общей массѣ, то станетъ понятна сплоченность офицерскаго состава — источникъ нравственныхъ силъ полка, помагавшій ему не разъ выходить побѣдителемъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, какъ въ минувшихъ бояхъ, такъ и въ наступающей мирной дѣятельности. Только вполнѣ національнымъ и крѣпкимъ духомъ, живущимъ одною жизнью съ отечествомъ войскамъ, могъ быть объявленъ въ февралѣ 1723 года такой указъ Государя:⁹⁵ „когда придетъ кабая нужда въ деньгахъ на дѣло государственное —искать способу отколоть оную сумму

взять, а когда никакого способу не найдется, тогда, нужды ради, разложить оную на всѣхъ чиновъ государства, которые жалованіе получаютъ, кромѣ унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ..., съ рубля, почему доведется, изъ жалованія, дабы особливо никто не былъ обиженъ.“ Исполненія этого указа не долго ждать пришлось. Сильный неурожай повсемѣстно въ Россіи, большой недостатокъ въ деньгахъ на содержаніе арміи, вызываетъ, въ апрѣлѣ того же года, повелѣніе: вычесть изъ жалованія всѣхъ служащихъ $\frac{1}{4}$ часть, а кромѣ того убавить генералитету и офицерамъ на половину раціоны.⁹⁶

Все тѣ же тяжелыя денежныя затрудненія по части содержанія арміи, требуя энергичныхъ мѣропріятій, породили наконецъ цѣлую реформу, въ самомъ корнѣ затрагивающую быть, благосостояніе русскаго народа. Еще въ началѣ 1711 года, какъ извѣстно, Императоръ Петръ Великій раздѣлилъ полки русской арміи на доходы по губерніямъ. По этому то раздѣленію, Рязанцы, приписанные къ Московской губерніи, получали оттуда всѣ виды денежнаго довольствія. Крайне разорительная и продолжительная война однако не могла не отразиться на своевременномъ поступленіи денежныхъ взносовъ. Отягощенному различными поборами и рекрутскою повинностію, народонаселенію не подъ силу было справиться съ не легкой задачей—содержать въ должномъ количествѣ надлежаще снабженную армію, поддерживающую недавно лишь занятое Россією мѣсто среди первоклассныхъ державъ Европы. Недоимки, а послѣдствіемъ ихъ донесенія, въ родѣ того, что солдаты бѣгутъ изъ полковъ, не получая жалованія, стали явленіемъ хроническимъ. Съ окончаніемъ войны, на первыхъ порахъ, положеніе не могло улучшиться; скорѣе наоборотъ, ибо къ вопросу о денежномъ содержаніи и снабженіи, присоединился вопросъ—какъ размѣстить на мирномъ положеніи многочисленныя, постоянныя войска? Дабы разъ навсегда покончить съ столь жгучими вопросами, обезпечить армію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдъ за грозной бурей, сдѣлать первый шагъ къ поднятію благосостоянія народа, Петръ Великій создалъ грандіозный планъ размѣщенія арміи по вѣчнымъ квартирамъ. Для этого, полки должны были быть расписаны по числу душъ мужскаго пола по губерніямъ и поселены на опредѣленныхъ, земельныхъ участкахъ, фактическими владѣльцами которыхъ они становились. Населеніе даннаго полковаго округа отнынѣ освобождалось

отъ всѣхъ денежныхъ повинностей на содержаніе войскъ; повинность эта замѣнена одной лишь натуральной и по отношенію къ тому лишь полку, къ которому данный округъ приписанъ. Дабы не располагать солдатъ по крестьянскимъ дворамъ, указомъ Сената положено строить полковыя слободы, въ которыхъ „сдѣлать сержантамъ каждому по избѣ, прочимъ унтеръ-офицерамъ—двоимъ одна, рядовымъ тремъ—однажъ; и ставить въ тѣхъ слободахъ не меньше вапральства, не больше роты; въ каждой ротѣ было бы двѣ избы съ сѣнями офицерамъ и одна изба людямъ; также въ серединѣ полка сдѣлать штабу дворъ, восемь избъ, и при томъ дворъ шпиталь; строить полкамъ, а гдѣ полковъ не будетъ—крестьянами и посадскими людьми и разночинцами, которые въ подушный сборъ положены.“ Чертежи избъ утверждались Государемъ, причемъ положено, дабы каждый полкъ разбрасывался не болѣе какъ на 50 верстъ, а рота не болѣе 5 верстъ.⁹⁷ Обеспечивая такимъ образомъ матеріальную сторону существованія полка, и принимая въ расчетъ интересы обѣдѣвшаго населенія, законодатель не упускалъ изъ виду и того благотворнаго нравственнаго вліянія, которое должны были оказать дисциплинированныя воинскія команды на низшее сословіе, причисленное къ полковому округу.

Несмотря на многія достоинства, задуманная реформа, требующая коренной ломки вѣками сложившагося строя жизни русскаго крестьянина, превращающая его однимъ почеркомъ пера въ поселеннаго солдата, мало предвѣщала успѣха. Одна лишь энергія, огромная сила воли Царя—Исполниа могли осуществить вопросъ о вѣчныхъ квартирахъ. И къ дѣлу было приступлено съ обычной, характеризующей всѣ предпріятія Петра, энергіей. Указомъ 28-го февраля 1722 года Военная Коллегія приговорила: генераль-маіору, и оберъ-штеръ-кригсъ комисару Чернышеву росписать на Московскую губернію 4 драгунскихъ и 21 пѣх. полковъ, въ томъ числѣ и Рязанскій.⁹⁸ Для предварительныхъ работъ „при показанномъ дѣлѣ“ предписано командировать въ канцелярію г.-м. Чернышева изъ каждаго полка по 1 штабъ-офицеру и полковому писарю, и изъ роты—по одному оберъ-офицеру и фурьеру.⁹⁹ Отъ Рязанскаго полка назначенная команда съ 4-го октября 1722 года находилась уже въ Москвѣ—и дѣло закипѣло.¹⁰⁰ Когда, такимъ образомъ, подготавливались привести въ исполненіе крупную реформу, манифестъ

отъ 15-го ноября 1723 года возвѣщалъ важное для Россіи событіе: коронацію Императрицы Екатерины. „Не вѣдомо есть,“ говорилось въ немъ, „какою великою помощницею Намъ была въ прошедшей двадцатинедолѣтней войнѣ Супруга Наша, Государыня Императрица Екатерина... даже во многихъ воинскихъ дѣлахъ, отложая немочь женскую, волею, съ Нами присутствовала, елико возможно вспомогла а наипаче въ прутской кампаніи съ турки, почитай отчаянномъ времени, какъ мужески, а не женски поступала, о томъ вѣдомо всей Нашей арміи, и отъ нихъ, несомнѣнно, всему государству; того ради, за такія супруги Нашей труды и проч...“

Нечего и говорить, какъ отнеслись къ этому важному для всего государства событію Рязанцы. Указаніе Великаго Царя на поведеніе Государыни въ прутскомъ походѣ, призваніе въ свидѣтели всей арміи, особенно было дорого Рязанскому полку очевидцу и участнику незабвенныхъ, тяжелыхъ дней 1711 года. Коронація назначилась только на 7-го мая наступающаго 1724 года, но къ приготовленіямъ, естественно, приступлено гораздо раньше. Для участія въ готовящихся торжествахъ формировалась изъ оберъ-офицеровъ полковъ русской арміи особая конная рота драбантовъ, или кавалергардія. Въ эту почетную роту зачислялись только желающіе, послѣ предварительнаго осмотра каждаго изъ нихъ въ Военной Коллегіи. Отъ нашего полка изъявилъ желаніе и назначенъ былъ въ драбанты подпоручикъ, Алексѣй Дюрбенева.¹⁰¹ Дворянинъ Ростовскаго уѣзда, подпоручикъ, Алексѣй Ивановочъ Дюрбенева, началъ службу въ 1710 году, въ Тверскомъ пѣхотномъ полку, по расформированіи котораго въ 1713 году, зачисленъ въ 1714 году, по ордеру генерала А. А. Вейде, въ Рязанскій полкъ. Одно время, вслѣдъ за расформированіемъ Тверскаго полка, подпоручикъ Дюрбенева состоялъ въ командѣ полковника отъ кавалеріи Хлопова, конвоировавшаго Императрицу Екатерину, при переѣздѣ Ея Величества въ 1713 году изъ Помераніи въ Ригу. Обстоятельство это, конечно, не могло не повліять теперь на выборъ подпоручика Дюрбенева въ почетную стражу, кавалергардію.¹⁰²

Наступившій, между тѣмъ, 1724 годъ, въ самомъ началѣ, ознаменовался не маловажными для будущей жизни полка событіями. Такъ, перво на перво, выяснился точно вопросъ о мѣстѣ

нашей вѣчной квартиры. Такимъ мѣстомъ избранъ—Московской провинціи г. Кашира.¹⁰³ „Полкамъ, которые стоятъ близъ вѣчныхъ квартиръ, отъ 500 верстъ и ближе“, гласилъ указъ 31-го января 1724 года,¹⁰⁴ „тѣмъ идти на квартиры, а которые дальше, тѣмъ ѣхать полковникамъ, а съ ними по 1 оберъ-офицеру и солдату, какъ заблагоразсуждено быть, и чтобы обои приняли квартиры и учинили порядки. А которые полки пойдутъ на квартиры, то маршировать со знаменами, и съ ружьемъ, и съ полковой артиллеріей, и съ пушечными и патронными ящиками, которыми путями способнѣе; и везти оныхъ на полковыхъ лошадяхъ, а прочія тяжести и больныхъ отправить на вѣчныя квартиры съ тѣми офицерами и урядниками на полковыхъ лошадяхъ, а ежели лошадей нѣтъ, то брать подводы на деньги, данные въ счетъ покупки лошадей.“¹⁰⁵ Ближайшимъ послѣдствіемъ приведеннаго указа должно было быть разрѣшеніе тѣсно связаннаго съ нимъ вопроса,—какъ поступать полкамъ, выдѣлившимъ баталіоны, вотъ уже два года, въ Низовый корпусъ?—продолжать ли имъ оставаться въ половинномъ штатѣ? ожидать ли возвращенія, и когда приблизительно, командированныхъ частей? Отъ этого зависѣли многія обстоятельства будущей дѣятельности полковъ на вѣчныхъ ихъ квартирахъ. И рѣшеніе дѣйствительно не заставило долго ожидать себя.

7-го февраля 1724 года писали изъ Военной Коллегіи:¹⁰⁶ „Государь указалъ—армейскіе конные и пѣхотные полки дополнить рекрутами, а которые 20 баталіоновъ въ Низовомъ походѣ, тѣ дополнить изъ Кіевской, Глуховской и прочихъ теплымъ краямъ принадлежащихъ гарнизоновъ, и неслужащихъ содержать въ тѣхъ баталіонахъ на половину, а достальныя поверстать въ солдаты. Отъ которыхъ баталіоны въ Низовомъ корпусѣ, тѣ дополнить и учинить полными полками, и для того собрать рекрутъ вновь, по новой разверсткѣ. Въ тѣ полки мундиру опредѣлить на 80,000 руб. изъ штрафныхъ денегъ, которые положены за пропуску и утайку душъ“. Такъ окончательно, разъ навсегда, отдѣлился отъ полка баталіонъ Рязанцевъ, ушедшій съ полковникомъ Юнгеромъ на Кавказъ. Баталіонъ этотъ сформировалъ особый полкъ, названный по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся во 2-й день іюня 1724 года, „Дербентскимъ пѣхотнымъ полкомъ.“¹⁰⁷ Перемѣна эта лишила Рязан-

цевъ доблестнаго ихъ командира, Андрея Томасовича Юнгера, который въ полкъ болѣе не возвратился. Спустя 21 годъ, Дербентскій пѣхотный полкъ пересталъ существовать, поступивъ на укомплектованіе флота. Вновь сформированные въ 1863 году, одноименные старымъ, молодые Дербентцы если и не находятся въ непосредственной кровной связи съ Рязанскимъ полкомъ, тѣмъ не менѣе связаны съ нимъ дорогимъ, вѣчно памятнымъ названіемъ Дербента и фамиліей Юнгера.¹⁰⁸ Тамъ то Рязанцы тѣлами своихъ товарищей заложили прочный фундаментъ будущаго покоренія Кавказа; тамъ то полковникъ Юнгеръ, сначала съ Рязанскимъ, а затѣмъ Дербентскимъ полками, крѣпко стоялъ на стражѣ интересовъ Россіи. Пусть будетъ же двухъ его вѣчно живымъ среди обоихъ полковъ, а дѣла Андрея Томасовича, достойнаго сына одного изъ первыхъ сподвижниковъ Петра, образцомъ исполненія передъ Царемъ и Россіею долга.

Вновь назначенный командиромъ полка, полковникъ, Кашперъ Кашперовъ сынъ Фосъ, фактически исполнялъ уже эту должность со дня отбытія полковника Юнгера на Кавказъ. Иноземецъ, родомъ изъ Польскихъ Прусь, подполковникъ Фосъ началъ службу въ рядахъ русской арміи въ 1706 году, въ Ингерманландскомъ пѣхотномъ полку, куда зачисленъ былъ капитаномъ. Произведенный за дѣло у Головчина въ 1708 году въ маіоры, Кашперъ Кашперовичъ оказалъ особые заслуги Царю въ періодъ тяжелыхъ дней 1711 года, состоя при вице-канцлерѣ, тайномъ совѣтникѣ, баронѣ, Шафировѣ. 1-го февраля 1714 года, за особые труды въ развѣздахъ изъ Турецкой земли въ С.-Петербургъ съ вѣстями, маіоръ Фосъ произведенъ по именному Его Величества указу въ подполковники и зачисленъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ, гдѣ безотлучно находился до назначенія командиромъ оного.

Вся предшествовавшая дѣятельность новаго нашего командира, давала, слѣдовательно, полное право рассчитывать на успешное приведеніе имъ не легкаго въ то время дѣла формировація заново цѣлаго баталіона и поселенія полка на вѣчныхъ квартирахъ у г. Каширы. Последнее, не смотря на январскій указъ, точно опредѣляющій порядокъ выступленія, по всеѣмъ признакамъ, скоро еще произойти не могло. Указъ этотъ вовсе не обозначалъ, что

къ принятію полками квартиръ все было готово и огромное дѣло, начатое недавно, совершенно закончено; на него надлежитъ смотрѣть скорѣе, какъ на одно изъ проявленій непреклонной воли Петра, къ исполненію начертаннаго имъ предпріятія. Главное—двигать дѣло, не давая ему залеживаться; всѣ жертвы, лишенія ни почемъ разъ онѣ приближаютъ насъ къ желанному результату, имѣющему цѣлью—благоденствіе Россіи. При такомъ девизѣ Петра побочные вопросы отодвигались на задній планъ, или же разрубались безцеремонно. Но кромѣ столь важной реформы, какой была реформа о поселеніи полковъ, существовали и другія отягчающія Царя заботы, которыя не могли быть оставлены. Первое мѣсто среди нихъ, конечно, занималъ все тотъ же недоконченный Ладожскій каналъ, поглотившій уже не мало денегъ и труда. Указомъ 4-го августа 1724 года положилъ Государь еще на одинъ 1725 годъ привлечь къ работамъ армейскіе полки, и лишь съ 1726 года замѣнить ихъ полками гарнизонными. „Которые баталіоны нынѣ квартируютъ въ Ярославской, Углицкой и Костромской провинціяхъ,“ читаемъ въ указѣ,¹⁰⁹ „кромѣ тѣхъ коимъ велѣно идти на вѣчныя квартиры, быть на каналѣ и поставить ихъ на квартиры въ Новгородскомъ и Ладожскомъ уѣздахъ, около Волхова и каналу въ близости, чтобы оныя, въ будущую зиму, могли къ веснѣ приготовить всѣ припасы заблаговременно. Раздѣлить ихъ на работы по линіямъ, для чего: зимою заранѣе отъ тѣхъ полковъ полковникамъ или подполковникамъ тѣ линіи принять, все осмотрѣть, дабы весною пришедъ всѣмъ въ свое дѣло вступить немедленно.“ Рязанскій полкъ, какъ хорошо ознакомленный съ условіями канальной работы, несомнѣнно имѣлся въ виду къ такому на 1725 годъ назначенію, хотя, въ скоромъ времени, событія привяли такой неожиданный и ужасный оборотъ, что ни на что твердо положиться нельзя было.

Съ великимъ торжествомъ совершилась коронація Императрицы Екатерины въ Москвѣ; подобающимъ образомъ отпраздновали ее Рязанцы; какъ вдругъ разнеслась вѣсть о тяжелой немочи Богатыря, Великаго Царя, Полководца. Въ концѣ сентября Августѣйшій больной видимо началъ поправляться, но 16-го января 1725 года болѣзнь усилилась и 28-го числа, въ началѣ шестого часа пополудни Петра Великаго не стало. На престолъ вступила Императрица

Екатерина I-я, о чемъ объявлено особымъ манифестомъ.¹¹⁰ 30-го января, набальзамированное тѣло покойнаго Императора было выставлено въ дворцовой залѣ и народъ былъ допущенъ къ нему для прощанія. Въ этотъ же день, Рязанскія знамена покрылись чернымъ флеромъ, который, сверхъ того, положенъ былъ на офицерскіи шпаги, шарфы и протазаны.¹¹¹

Приготовленія къ печальной церемоніи погребенія заняли болѣе мѣсяца времени, а, между тѣмъ, указомъ Военной Коллегіи отъ 14-го февраля, для присутствованія при погребеніи, въ числѣ представителей арміи, вызванъ былъ и нашъ командиръ, подполковникъ Фось, который и явился въ канцелярію церемоніальныхъ учреждений 6-го марта.¹¹² Въ роскошно убранной траурной залѣ, у гроба незабвеннаго Монарха, видѣлась много говорящая сердцу представителя Рязанцевъ надпись:

Отъ обученія воинства.

Изнемогъ тѣломъ, но не духомъ,
Уснулъ отъ трудовъ, Сампсонъ Россійскій.

Трудолюбіемъ подалъ силу воинству,
Бѣдствіемъ же своимъ безопасіе отечеству.

Но о премѣненіи жалостнаго!

Почившу же ему временно, вѣчно же торжествующему,
Стонемъ мы и сѣтуемъ!

8-го марта тѣло Императора было перевезено въ Петропавловскій соборъ. Процесія раздѣлялась на 166 померовъ. По окончаніи литургіи взшелъ на кафедру Феофанъ Прокоповицъ и произнесъ знаменитую проповѣдь, прерываемую плачемъ и воплемъ слушателей.

„Не печальтесь Россіяне,“ говорилъ онъ. „Не весьма бо и оставилъ насъ сей Великій Монархъ и Отецъ нашъ! Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ, безмѣрное богатство силы и славы Его при насъ есть. Какову Онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимую, любима и будетъ, сдѣлалъ врагамъ страшною, страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною, славна и быти не перестанетъ. Оставилъ намъ духовныя, гражданскія и воинскія исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.“

